

18+

БЕЗЖАЛОСТНЫЙ СОПЕРНИК

БЕССЕРДЕЧНЫЕ ИЗГОИ

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ *USA TODAY*

Л.ДЖ. ШЭН

Л. Дж. Шэн
Бессердечные изгои.
Безжалостный соперник
Серия «Freedom. Интернет-
бестселлеры Л. Дж. Шэн»
Серия «Бессердечные изгои», книга 1

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70088362

*Бессердечные изгои. Безжалостный соперник/ Л. Дж. Шэн ; [перевод с
английского В. Журавлевой].: Эксмо; Москва; 2024*

ISBN 978-5-04-193596-2

Аннотация

Кристиан прославился как самый безжалостный адвокат в Нью-Йорке. У самодостаточного миллионера осталась только одна цель: отомстить магнату Конраду Роту, который разрушил его жизнь. Когда-то давно Кристиан поцеловал его дочь Арию. За это Конрад отправил парня в интернат, чтобы тот держался от них подальше.

Когда на Конрада обрушивается серьезное обвинение, Кристиан видит в этом свой шанс. Но на его пути стоит Арья, яростно защищающая своего отца. Она не знает, что Кристиан – тот самый мальчик из детства. А он так и не смог ее забыть. Когда

эти двое оказываются по разные стороны баррикады, между ними вспыхивают старые чувства. И Кристиан должен сделать выбор: месть или любовь?

Содержание

Пролог	9
Глава 1	15
Глава 2	22
Глава 3	42
Глава 4	56
Глава 5	69
Глава 6	76
Глава 7	93
Глава 8	124
Конец ознакомительного фрагмента.	135

Л. Дж. Шэн

Бессердечные изгои.

Безжалостный соперник

Посвящается Айви Уайлд, моей подруге-адвокату, которая научила меня, что оставаться на стороне закона не только правильное, но и самое экономное решение

Человек, кроме всего прочего, материальная вещь, которая легко ломается, и ее не так просто починить.

Иэн Макьюэн «Искупление»

L.J. Shen

RUTHLESS RIVAL

Copyright © 2022. RUTHLESS RIVAL by L.J. Shen The moral rights of the author have been asserted.

Freedom

© Журавлева В., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Пролог

Кристиан

Ничего. Не. Трогай.

Единственное правило, которое моя мать всегда твердила. Но ребенком я знал, что лучше придерживаться его, если я не хочу получить порки ремнем и месяц есть просроченную

кашу с жучками.

Во время летних каникул, сразу после того, как мне исполнилось четырнадцать, вспыхнула спичка, которая позже сожгла все дотла. Ярко-оранжевая искра захватила собой все и распространялась, разрушая мою жизнь и оставляя лишь дым и пепел.

Моя мать потащила меня на свою работу. У нее были довольно веские аргументы, почему я не мог остаться дома и заниматься ерундой. Одной из главных причин было то, что она не хотела, чтобы я стал таким же, как другие дети моего возраста. То есть курящим, взламывающим замки и доставляющим подозрительные посылки для местных наркодилеров.

Район Хантс Пойнт был местом, где мечты умирали. И хотя мою мать нельзя было назвать мечтательницей, для нее я был обузой. Вызволить меня не входило в ее планы.

К тому же оставаться дома, где все напоминало о реалиях моей жизни, было не тем, чего мне очень хотелось.

Поэтому мне достались ежедневные поездки с ней на Парк-авеню, только при одном условии: я не должен был трогать своими грязными руками что-либо в пентхаусе семьи Рот. Ни переоцененную мебель Henredon, ни панорамные окна, ни растения, привезенные из Голландии, и особенно, самое важное – их дочь.

– Она особенная. Не должна быть запятнана. Мистер Рот любит ее больше всего на свете, – напоминала мне мама, го-

вора с сильным акцентом на английском, так как была иммигранткой из Беларуси, пока мы ехали на автобусе, забитом другими уборщиками, ландшафтными дизайнерами и швейцарами, словно сардины в синей упаковке.

Арья Рот была проклятием моего существования еще до нашей встречи. Неприкосновенная драгоценность, бесценная по сравнению с моим ничтожным существованием. Долгие годы, до встречи с ней, она была моей неприятной фантазией. Образ с блестящими косичками, избалованной и плаксивой девчонки. У меня не было никакого желания встретиться с ней, буквально ноль. На самом деле я часто лежал в кровати и ночами задавался вопросом, какие захватывающие и дорогие, доступные ее возрасту, приключения она замышляла, и желал ей всего самого плохого. Страшная авария, падение с обрыва, крушение самолета и цинга. В мыслях я представлял, как это все случилось с такой особенной Арьей Рот. Она подвергалась ряду ужасов, пока я бездельничал, ел попкорн и смеялся.

Все, что я знал об Арье благодаря благоговейным рассказам моей матери, мне не нравилось. Хуже того, она была моего возраста, из-за чего невозможно было не сравнивать наши жизни, что приводило меня в ярость.

Она была принцессой из хрустального замка в верхнем Ист-Сайде, живущей в пентхаусе размером пять тысяч квадратных футов, такое огромное пространство, которое я даже не мог представить и уж точно осознать. Я же, в свою оче-

редь, застрял в довоенной однокомнатной квартирке в Хантс Пойнт, где были слышны громкие ссоры между секс-работниками и их клиентами прямо под моим окном, а еще миссис Ван, которая ругалась на своего мужа. Вот он – саундтрек моих подростковых лет.

Жизнь Арьи пахла цветами, бутиками и фруктовыми свечами, легкий аромат которых оставался на маминой одежде, когда она возвращалась домой. В то время как зловоние рыбного рынка рядом с моей квартирой навсегда впиталось в наши стены.

Арья была милой, моя мама продолжала восхвалять ее изумрудные глаза, а я был неуклюжим и худым. Коленки и уши торчали как бы из неудачно нарисованной формы. Мама говорила, что рано или поздно я подрасту и все исправится, но с моим недостатком питания я в этом сомневался. Наверное, мой отец был таким же. Нескладный, но возмужавший с возрастом. Так как я никогда не видел этого ублюдка, у меня не было доказательств. Папочка ребенка Русланы Ивановой был женат на другой женщине и жил в Минске с тремя детьми и двумя уродливыми собаками. Билет на самолет в один конец до Нью-Йорка вместе с просьбой никогда с ним не связываться были его прощальными подарками, когда мама рассказала, что залетела от него.

Так как у моей матери не было семьи, а ее мать-одиночка умерла еще несколько лет назад, это выглядело как идеальное вдумчивое решение для всех. Для всех, кроме меня, ко-

нечно же.

Мы остались одни в Большом Яблоке¹ – в Нью-Йорке, относясь к жизни так, будто нас кто-то хотел убить. Или жизнь уже вцепилась в наши шеи, перекрывая доступ к кислороду. Все время казалось, что мы задохнулись, словно нам не хватало воздуха, еды, электричества или права на существование.

Что подводит меня к финальному и самому губительному греху из всех, который совершила Арья Рот, к главной причине, почему я никогда не хотел ее встретить, – у Арьи была семья.

Мать. Отец. Много дядей и тетей. У нее была бабушка в Северной Каролине, которую она навещала каждую Пасху, и кузины из Колорадо, с кем она каждый год на Рождество ездила кататься на сноуборде. В ее жизни был смысл, направление, история. Она была оформлена в рамке, ровно расчерчена, где все отдельные кусочки были четко раскрашены, а моя казалась пустой и бессвязной.

У меня была мама, но казалось, что мы с ней случайно оказались вместе. Еще были соседи, с которыми мама никогда не хотела знакомиться, секс-работники, которые предлагали мне услуги за школьный обед, полиция Нью-Йорка, которая приезжала в мой район два раза в неделю, чтобы наклеить желтую ленту на разбитые лобовые стекла. Счастье было чем-то, что принадлежало другим людям, которых мы

¹ Самое известное прозвище города Нью-Йорка. Возникло в 1920-х годах.

не знали: они жили на других улицах и у них была совершенно другая жизнь.

Я всегда чувствовал себя как гость в мире – наблюдатель. Но если я и буду наблюдать за чьей-то жизнью, то пусть это будет семья Рот: они жили идеально и красочно.

Итак, чтобы сбежать из ада, в котором я родился, мне нужно было всего лишь следовать инструкциям.

Ничего. Не. Трогай.

В конце концов я не просто тронул что-то.

Я прикоснулся к самой ценной вещи в доме Ротов.

К Арье.

Глава 1

Арья

Настоящее

Он придет.

Я знала это, даже если он опаздывал. Правда, он никогда не опаздывал до сегодняшнего дня.

У нас была назначена встреча каждую первую субботу месяца.

Он явится с хитрой ухмылкой, с двумя тарелками бирьяни² и с последними скандальными офисными сплетнями, которые были лучше любого существующего реалити-шоу.

Я потянулась, сидя под крышей квадратного готического внутреннего двора, пошевелила пальцами ног в туфлях от Prada, упираясь подошвой в средневековую колонну.

Сколько бы лет мне ни было и насколько хорошо бы я ни овладела искусством быть безжалостной бизнес-леди, во время наших ежемесячных визитов в Клойстерс³ я всегда чувствовала себя пятнадцатилетней девочкой, прыщавой и впечатлительной, благодарной за те крохи близости и любви, которые мне бросали.

– Подвинься, милая, еда капает, – сказал он.

² Блюдо индийской кухни из риса и специй с добавлением мяса, рыбы, яиц или овощей.

³ Музей в Нью-Йорке, филиал Метрополитен-музея.

Как и думала. Он пришел.

Я подогнула ноги, освобождая место для папы. Он достал два контейнера, испачканных в масле, и протянул один мне.

– Ты выглядишь ужасно, – заметила я, открывая контейнер. Запах мускатного ореха и шафрана ударил в нос, из-за чего у меня сразу потекли слюнки. Мой отец покраснел, отвел глаза и скорчил гримасу.

– А ты выглядишь прекрасно, впрочем, как всегда. – Он поцеловал меня в щеку, затем отодвинулся и оперся на колонну так, чтобы мы сидели друг напротив друга.

– Я могла бы есть это три раза в день, каждый день, – проговорила я, накалывая еду на пластиковую вилку. Нежные кусочки курицы падали на подушку из риса. Я отправила кусочек в рот, закрыв глаза.

– Неудивительно, учитывая, как ты весь четвертый класс только и питалась макаронами и сырными шариками. – Он посмеялся, после чего добавил: – Как идет завоевание мира?

– Медленно, но верно. – Я открыла глаза и увидела, что он просто ковыряется в еде.

Во-первых, он опоздал. И сейчас я заметила, что он практически неузнаваем. Его выдавали не помятая одежда и отсутствие свежей стрижки. Все дело было в выражении его лица, которого я не видела за почти тридцать лет, что знала его.

– Кстати, как ты? – спросила я, держа зубами край вилки.

– Хорошо. Занят. Нас проверяют, так что в офисе все

вверх ногами. Все бегают, как безмозглые курицы, – ответил папа. Его телефон, который был убран в передний карман брюк, завибрировал. Зеленый экран просвечивал сквозь ткань одежды. Он проигнорировал звонок.

– Только не снова. – Я залезла вилкой в его контейнер, доставая золотой картофель, спрятавшийся под горой риса, и скрыла его между губами, после чего добавила: – Но это все объясняет.

– Объясняет что? – сказал он встревоженно.

– Я подумала, ты выглядишь немного странно, – пояснила я.

– Это все надоедает, но я уже проходил через это. Как бизнес? – снова спросил папа.

– Вообще-то я хотела узнать твое мнение об одном клиенте, – начала я осторожно эту тему, когда его телефон в кармане снова завибрировал. Я перевела взгляд на фонтан в центре сада, без слов показывая, что все в порядке, если он ответит на звонок.

Вместо этого отец достал салфетку из сумки для еды и вытер ею лоб. Салфетка в виде облака прилипла к его поту. Температура на улице была ниже тридцати пяти градусов по Фаренгейту⁴. Что за дело заставило его так потеть?

– И как Джиллиан? – Его голос звучал выше обычного. Предчувствие беды словно слабая, почти незаметная трещина в стене, поползло по моей коже, и он продолжил: – Я пом-

⁴ Около 2 градусов Цельсия.

ню, ты говорила, что у ее бабушки была операция на бедре на прошлой неделе. Я попросил секретаршу отправить цветы.

Конечно, он помнил. Папа всегда был тем человеком, которому я могла доверять. В отличие от моей матери, которой мне так часто не хватало. Она всегда последняя узнавала о том, что со мной происходило, игнорировала мои чувства, пропадала без вести в поворотные моменты моей жизни. Папа же помнил о дне рождения, датах выпускных и о том, что я надевала на религиозное совершеннолетие, бат-мицва⁵, моей подруги. Он был рядом во время расставаний с парнями, во время девчачьей драмы и во время регистрации моей компании, читая вместе со мной все документы, особенно то, что было написано мелким шрифтом. Он был мамой, папой, братом и другом. Якорь посреди бурного моря жизни.

– Бабуля Джой в порядке. – Я передала ему салфетку, с любопытством поглядывая на него. – Уже командует мамой Джиллиан. Слушай, а ты... – снова попыталась я начать.

Его телефон зазвонил в третий раз за минуту.

– Тебе лучше ответить, – сказала я.

– Нет, нет. – Он оглянулся вокруг, вдруг побледнев.

– Кто бы ни пытался дозвониться, он явно не отстанет, – заметила я.

⁵ Бар-мицва, бат-мицва – термины, применяющиеся в иудаизме для описания достижения еврейским мальчиком или девочкой религиозного совершеннолетия.

– Правда, Ари, я бы лучше послушал о том, как прошла твоя неделя.

– Все было хорошо, празднично, она прошла. Теперь ответь. – Я показала на телефон, который, по моему мнению, был причиной его странного поведения. С тяжелым вздохом и со здоровым смирением папа наконец вытащил телефон из кармана и прижал к своему уху так плотно, что оно побелело до цвета слоновой кости.

– Конрад Рот говорит. Да, да. – Он остановился, его глаза бегали туда-сюда. Его контейнер с бирьяни выскользнул из его рук, падая на старые камни. Я тщетно попыталась поймать его, пока он говорил. – Да. Я знаю. Спасибо. Да, у меня есть представитель. Нет, я не буду это комментировать.

Представитель? Комментировать? Для проверки?

Люди бродили мимо. Туристы присели на корточки, чтобы сделать фотографии сада. Стайка детей кружилась вокруг колонн, их смех напоминал звук церковных колоколов. Я поднялась и стала убирать беспорядок, который папа устроил на полу.

Все в порядке. Ни одна компания не хочет проходить проверку. Не говоря уже об инвестиционном фонде, – мысленно говорила я себе.

Но как бы не пыталась поверить в это оправдание, я не могла успокоиться. Это было не о работе. У папы не было проблем со сном, остроумием и смекалкой из-за работы.

Он завершил телефонный разговор. Наши взгляды встре-

тились.

Прежде чем он сказал, я уже знала. Знала, что через пару минут я буду падать, падать и падать. И ничто не сможет остановить меня. Это было сильнее, чем я. Даже сильнее, чем он.

– Ари, тебе нужно кое-что знать... – начал он.

Я закрыла глаза, делая глубокий вдох, будто собираюсь надолго погрузиться под воду.

Я знала, ничего больше не будет как прежде.

Глава 2

Кристиан

Настоящее

Принципы. У меня было их всего несколько.

Лишь горсточка, на самом деле я бы не назвал это принципами как таковыми. Скорее предпочтения. Сильные страсти? Да, это уже больше похоже на правду.

Моим предпочтением было не связываться с правом собственности и с контрактными разногласиями в качестве судебного юриста. Не потому что у меня были моральные или этические проблемы при представлении той или иной стороны. А просто потому, что для меня это было скучно и недостойно моего драгоценного времени. Гражданские правонарушения и справедливые обвинения были тем, где я преуспевал. Мне нравились непонятные, эмоциональные и разрушительные дела. Добавить в эту смесь распутство – и я в раю судебных разбирательств.

Моим предпочтением было выпить столько, чтобы впасть в мини-кому, с моими лучшими друзьями, Арсеном и Риггсом, в баре «Братство» в конце улицы. И это я предпочел бы тому, чтобы улыбаться, кивать и слушать очередную отупляющую историю моего клиента об игре его ребенка в детский бейсбол.

Также моим предпочтением, не принципом, было не вы-

пивать и не обедать в ресторане с мистером Нечистый Бизнес, больше известным под именем Майлз Эмерсон. Но Майлз Эмерсон собирался подписаться на внушительный предварительный гонорар с моей юридической фирмой «Кромвель & Трауриг». Поэтому я и был сейчас здесь. Не где-то еще, в вечер пятницы, с дерьмовой усмешкой на лице, когда я положил кредитную карточку в черный кожаный футляр для чека. Ведь сегодня я угощал мистера Эмерсона фуа-гра, тальолини с нарезанными черными трюфелями и бутылкой вина, по цене которой его ребенок мог учиться четыре года в Лиге Плюща⁶.

– Должен сказать, у меня правда хорошее предчувствие насчет этого, ребята, – сказал мистер Эмерсон, не сдержав отрыжку и погладив свой огромный живот. Он был внешне жутко похож на актера Джеффа Дэниелса, только на его жирную версию. Я был доволен, что он чувствовал себя превосходно, ведь сам я был чертовски рад тому, что со следующего месяца начну взимать с него ежемесячную плату. Эмерсон владел огромной компанией по уборке, которая в основном работала с крупными корпорациями, и недавно против него подали четыре иска. Все – за нарушение условий контракта и на возмещение убытков. Он нуждался не только в юридической помощи, но и в клейкой ленте, которая сможет закле-

⁶ Лига Плюща (*англ.* The Ivy League) – ассоциация восьми частных американских университетов, отличающихся высоким качеством образования. Название происходит от побегов плюща, обвивающих старые здания этих университетов.

ить ловушку, в которую он попал. Он потерял много денег за последние несколько месяцев, поэтому я предложил ему выплачивать аванс. Ирония не обошла меня стороной. Теперь я должен был убирать за ним, за нанявшим меня человеком, чья компания предлагала людям услуги уборки. Но, в отличие от его работников, я брал огромные суммы за час и не был склонен к тому, чтобы лишиться зарплаты.

Мне не пришло в голову отказаться от защиты мистера Эмерсона в его многочисленных и скверных делах. В ситуации были замешаны уборщики, преследовавшие его, некоторые из которых получали минимальную зарплату и работали с поддельными документами. Очевидная параллель никак не волновала меня.

– Мы здесь, чтобы облегчить вам жизнь. – Я поднялся, протягивая руку мистеру Эмерсону для рукопожатия, пока застегивал свой пиджак. Он кивнул Райану и Дикону, моим партнерам в юридической фирме, и направился к выходу из ресторана, оглядываясь на спины официанток.

Моя доля будет настолько велика, что ее будет не уместить ни в одной сумке. К счастью, если дело доходило до продвижения по карьерной лестнице, у меня всегда был хороший аппетит.

Я снова сел и откинулся на стуле.

– А теперь о причине, по которой мы все здесь собрались. – Я посмотрел на Райана и Дикона, после чего продолжил: – Мое предстоящее партнерство в фирме.

– Что, прости? – Дикон Кромвель, выпускник Оксфордского университета, который основал фирму сорок лет назад и был древнее Библии, нахмурил свои лохматые брови.

– Кристиан думает, что он заслужил уголовной кабинет и свою фамилию на дверях после стольких вложенных стараний и времени, – объяснил старику Райан Трауриг, глава судебного отдела и партнер, который то и дело показывался в стенах офиса.

– Ты не думаешь, что подобное мы должны были обсудить? – спросил Кромвель, повернувшись к Трауригу.

– Мы обсуждаем это сейчас, – ответил тот, добродушно улыбнувшись.

– Наедине, – выплюнул Кромвель.

– Конфиденциальность переоценена. – Я сделал глоток вина из своего бокала, жалея, что это был не скотч, и продолжил: – Проснись и почувствуй, как хороша жизнь, Дикон. Я старший помощник уже три года. Я назначаю партнерские тарифы. Мои ежегодные отчеты безупречны, я ловлю крупную рыбу. Вы морочили мне голову достаточно. Я бы хотел знать, чего стою. Честность – лучшая политика.

– Не многовато для юриста? – Кромвель одарил меня косым взглядом. – Также, раз у нас честная беседа, могу я тебе напомнить, что это ты окончил обучение семь лет назад и после проработал два года в офисе окружного прокурора. Не то чтобы мы лишали тебя такой возможности. У нашей фирмы девятилетний стаж партнерства. Что касается сроков, ты

еще не заплатил свои взносы.

– Что касается сроков. С тех пор как я в этой фирме, вы стали зарабатывать на триста процентов больше, – парировал я. – К черту сроки, сделайте меня равным и назовите партнером.

– Беспощадный до мозга костей. – Он пытался оставаться невозмутимым, но его лоб все-таки покрылся испариной. – Как ты спишь по ночам?

Я пальцами покрутил бокал с вином, как меня научил заслуженный сомелье десятилетия назад. Еще я играл в гольф, пользуясь таймшером⁷ компании в Майами, и страдал от политических разговоров в джентльменских клубах.

– Обычно вместе с длинноногой блондинкой, – соврал я, зная, что такая свинья, как он, оценит это.

– Умник. Ты слишком амбициозен в попытке достичь своих целей, – усмехнулся он, предсказуемый недоумок.

Взгляды Кромвеля на амбиции варьировались, смотря у какого человека они были. Для младших сотрудников, работающих по шестьдесят оплачиваемых часов в неделю, это было замечательно. Для меня же – обузой.

– Ничего подобного, сэр. Теперь я хотел бы получить ответ.

– Кристиан. – Трауриг улыбнулся мне, как бы призывая замолчать. – Дай нам пять минут, встретимся на улице, – по-

⁷ Таймшер (*англ.* time-share) – соглашение, согласно которому несколько со-
владельцев имеют право использовать недвижимость в качестве дома отдыха.

просил он.

Ждать на улице, пока они обсуждают меня, – не по мне. Глубоко внутри я все еще был тем Ники из Хантс Пойнт. Но тому мальчику пришлось сдерживаться, чтобы влиться в приличное общество. Получившие аристократическое воспитание, эти мужчины не кричали и не переворачивали столы. Мне приходилось говорить на их языке. Спокойные слова, но острые, словно ножи.

– Ладно. Будет время попробовать эти новые сигареты, Davidoff, – сказал я после того, как отодвинул кресло и надел свое пальто от Givenchy.

– Уинстон Черчилль? – Глаза Траурига загорелись.

– Лимитированный выпуск. – Подмигнул я. Ублюдок вынуждал делиться всеми сигаретами и ликерами так, будто он не зарабатывал в шесть раз больше меня.

– Боже! Не найдется лишней? – спросил он.

– Тебе ли не знать, – ответил я.

– Увидимся через пару секунд, – пообещал Трауриг.

– Если только я первый тебя не увижу.

Стоя на обочине, я дымил сигаретой и наблюдал, как напрасно желтый свет на светофоре чередовался с красным и зеленым, пока пешеходы проносились по дороге, словно стая рыб в плотном потоке. Деревья были голыми, не считая украшенных бледных гирлянд на них, которые еще не сняли после Рождества.

Телефон зажужжал в кармане. Я вытащил его и увидел

уведомление.

Арсен:

Ты придешь? Риггс уезжает завтра утром, и он уже заигрывает с той, кому нужно сменить подгузник.

Это могло значить, что она либо слишком молода, либо у нее импланты в заднице. Скорее всего, и то и другое. Придерживая сигарету губами в уголке рта, я начал печатать ответ на сенсорном экране.

Я:

Скажи ему держать себя в руках. Я в пути.

Арсен:

Твои папики опять дурят тебя?

Я:

Не все родились с трастовым фондом в двести миллионов, малыш.

Я убрал телефон в карман и почувствовал дружеское похлопывание по плечу. Обернувшись, обнаружил Траурига и Кромвеля за спиной. Кромвель выглядел так, будто он был не очень гордым владельцем геморроя в Нью-Йорке, вцепив-

шись в свою трость с огорченным выражением лица. Тонкая коварная усмешка Траурига мало что объясняла.

– Шейла пилит меня, чтобы я больше занимался. Я думаю, я пройду до дома. Джентльмены, – Кромвель коротко кивнул. – Кристиан, поздравляю с делом Эмерсона. Увидимся на нашей еженедельной встрече в следующую пятницу, – сказал он и ушел, исчезая в толпе торопящихся людей и белом паре, который клубился из люков.

Я передал Трауригу сигарету. Он сделал пару затяжек, проверяя что-то в карманах так, если бы искал что-то. Возможно, это был поиск его давно потерянного достоинства.

– Дикон думает, ты не готов.

– Это бред. – Сжав зубами сигарету, я продолжил: – Моя репутация безупречна. Я работаю восемьдесят часов в неделю. Я проверяю каждое крупное судебное дело. Даже несмотря на то, что технически это твоя работа. И я в команде с младшим сотрудником во всех моих делах, как партнер. Если я уйду прямо сейчас, то заберу с собой портфолио, которое вы не можете себе позволить потерять. Мы оба знаем это.

Если меня наконец начнут называть партнером и мое имя будет на входных дверях компании, это будет вершиной моего существования. Я знал, что это огромный шаг, но я заработал его. Заслужил это. Другие сотрудники не работали столько часов, не приводили тех же клиентов, не получали такие результаты, как я. К тому же как новоиспеченный мил-

лионер я гнался за своей следующей целью. Было невероятно и поразительно осознавать, что каждый месяц я получаю огромную зарплату и могу позволить себе все, что пожелаю. Все стало для меня легкодоступным. Партнерство было вызовом, я хотел показать средний палец городу, который избавился от меня, когда мне было четырнадцать.

– Спокойно, не нужно горячиться. – Трауриг снова усмехнулся, – Слушай, сынок, Кромвель не против этой идеи.

Сынок. Трауригу нравилось делать вид, будто я до сих пор только на пороге взросления, он будто ждал, когда я наложу в штаны.

– Не против? – спросил я, фыркая. – Ему бы следовало умолять меня остаться и предлагать мне половину его королевства.

– И вот в чем загвоздка. – Трауриг махнул рукой, показывая на меня, будто я был каким-то экспонатом, о котором он говорил. – Кромвель думает, что ты слишком быстро освоился. Тебе только тридцать два, Кристиан. А ты не был в зале суда уже пару лет. Ты хорошо работаешь с клиентами, твое имя говорит само за себя, но ты больше не работаешь в поте лица. Девяносто шесть процентов твоих дел не доходят до суда, потому никто не хочет иметь дело с тобой. Кромвель хочет увидеть тебя жадным, изголодавшимся. Хочет увидеть, как ты борешься. Он скучает по тому огню в твоих глазах, который заставил его вырвать тебя из того офиса прокурора, когда у тебя появились большие проблемы с

губернатором.

Во время второго года моей работы в офисе окружного прокурора мне попало в руки громадное дело. Это был тот же год, когда на Теодора Монтгомери, бывшего окружного прокурора Манхэттена, обрушилась критика за то, что он допустил истечение срока исковой давности из-за непреодолимой рабочей нагрузки. Монтгомери швырнул дело мне на стол, говоря, чтобы я сделал все возможное. Он не хотел, чтобы еще одно недоразумение было повешено на него, но у него так же не было работника, который мог над этим поработать.

Это дело стало самым громким в Манхэттене за весь год, все только о нем и говорили. Пока мое начальство охотилось за налоговыми и банковскими мошенниками, я следил за наркобароном, который сбил трехлетнего мальчика, погибшего на месте, когда спешил на шестнадцатилетие своей дочери. Классическое бегство водителя с места дорожного происшествия. Разыскиваемого наркобарона звали Денни Романо. Он вооружился армией из первоклассных адвокатов, в то время как я прибыл в суд в своем так называемом костюме Армии спасения и с разваливающимся кожаным портфелем. Все болели за парнишку из офиса окружного прокурора, чтобы он арестовал большого плохого мачо. В конце концов мне удалось выбить из Романо признание в непредумышленном убийстве транспортным средством и приговорить его к четырем годам в тюрьме. Это была ма-

ленькая победа для семьи бедного мальчика и огромная – для меня.

Дикон Кромвель буквально загнал меня в угол во время похода в парикмахерскую, когда я только окончил юридический факультет в Гарварде. У меня был план, и он включал в себя создание собственного имени в окружном офисе. Но тогда он сказал мне найти его, если я вдруг захочу посмотреть на другую сторону жизни. После дела Романо мне не пришлось ничего делать, он сам вернулся ко мне.

– Он хочет увидеть меня снова в суде? – Я практически выплюнул эти слова. Мои амбиции были велики, переговоры я вел жестко и всегда добивался большего, чем обещал своим клиентам. В суде я устраивал настоящее разгромное шоу. Никто не хотел иметь дело со мной, ни лучшие адвокаты, получающие толстенные пачки денег, ни мои бывшие коллеги из окружного офиса, не имеющие никакой возможности соревноваться со мной.

– Он хочет, чтобы ты попотел над делом. – Трауриг задумчиво прокрутил сигарету между пальцами. – Выиграй для меня громкое дело, такое, которое ты не сможешь свести к выгодной сделке, сидя в прохладном офисе. Покажи себя в суде, и старик без лишних вопросов повесит табличку с твоим именем на дверь.

– Я работаю за двоих, – напомнил я ему. Это была правда. Я работал в неурочные часы.

– Соглашайся или уходи, сынок. Ты там, где был нужен

нам, – пожал плечами Трауриг.

Оставлять компанию в таком положении, когда я был в шаге от партнерства, было опасно. Это могло отбросить мою карьеру на годы назад. Этот ублюдок прекрасно знал это. Я либо смирюсь с этим, либо найду партнерство в другой, намного меньшей и не такой престижной фирме.

Сегодня все пошло не так, как я планировал, но это было лучше, чем ничего. Кроме того, я знал свои возможности. Если учесть расписание суда и выбрать удобное дело, я мог бы стать партнером всего за несколько недель.

– Считай, дело сделано.

– Мне уже жаль этого несчастного адвоката, против которого ты собираешься выступить, чтобы проявить себя, – рассмеялся Трауриг.

Я развернулся и направился к бару в конце улицы, чтобы встретиться с Арсеном и Риггсом.

У меня не было принципов.

И когда доходило до того, чего я хотел добиться в жизни, у меня не было никаких ограничений.

«Братство» было нашим любимым местом в Сохо. Бар находился всего в двух шагах от пентхауса Арсена, где можно было найти Риггса, если тот был в городе или не ночевал у меня. Нам нравилось это место за разные сорта импортного пива, отсутствие модных коктейлей и способность отталкивать туристов своим исключительным обаянием. По большей части «Братство» привлекало к себе аутсайдеров – ма-

ленький, душный и спрятанный в подвале бар. Он напомнил нам о наших «Цветах на чердаке»⁸ в юности.

Я сразу же заметил Арсена. Он выделялся, как темная фигура на карнавале. Он сидел на краю барного стула, держа бутылку Asahi. Арсену нравилось, когда пиво подходило к его характеру, суперсухое, с иностранным привкусом. Он всегда был одет в лучшие шелка от дома деловых костюмов Savile Row, хотя и не был офисным работником. Если так подумать, технически у него вообще не было работы. Он был предпринимателем, которому нравилось хвататься за прибыльные дела. На данный момент у него в «кровати» было несколько инвестиционных фондов, которые отказались от своих двадцати двух реализаций в бизнесе ради удовольствия от сотрудничества с Арсеном Корбином. Объединение сделок и их конвертируемость были его игровыми площадками в бизнесе.

Я протолкнулся мимо выпившей компании женщин, которые танцевали и пели Cotton-Eyed Joe, путая все слова, и прислонился к бару.

– Ты опоздал, – протянул Арсен, читавший книгу в мягкой обложке на липкой барной стойке, даже не удосужившись посмотреть на меня.

– А ты заноза в заднице.

– Спасибо за психологическую помощь. Но ты все еще

⁸ «Цветы на чердаке» – первая книга американской писательницы Вирджинии Эндриус из серии «Доллангенджеры» в жанре семейной саги.

опоздал – верх грубости. – Он протянул мне большой пивной стакан Peroni. Я чокнулся с ним о его бутылку и сделал глоток.

– Где Риггс? – спросил я, пытаюсь перекричать музыку. Арсен кивнул куда-то налево. Мои глаза проследили за направлением взгляда. Одной рукой Риггс опирался на деревянную стену, украшенную чучелами животных, а второй, по всей видимости, орудовал между бедер блондинки в юбке, его губы скользили по ее шее.

Ага. Арсен точно говорил об имплантах. Девушка выглядела так, будто могла доплыть до самой Ирландии на них.

В отличие от нас с Арсеном, которые гордились своим первоклассным видом, Риггсу нравился образ миллионера-бомжа. Он был аферистом, мошенником и преступником. Человек с ничтожной долей искренности, из-за чего я удивлялся, как он сам не стал юристом. У него был типичный образ плохого парня, сбившегося когда-то с верного пути. Небрежные золотистые волосы, сильный загар, небритая козлиная бородка и грязь под ногтями. Его улыбка была однобокой, взгляд казался одновременно поверхностным и бездонным. А еще у него была дурацкая способность болтать обо всем на свете своим глубоким сексуальным голосом, даже об испражнениях.

Риггс был самым богатым в нашей троице. Тем не менее со стороны он выглядел, как кто-то, плывущий по течению жизни, неспособный заниматься хоть чем-то, даже освоить

сотовую связь.

– Хорошо прошла встреча? – спросил Арсен, хлопнув книгу передо мной. Я посмотрел на обложку.

«Призрак в атоме: рассуждение о тайнах квантовой физики».

И кто-то может назвать его тусовщиком?

Проблема Арсена была в том, что он гений. А как мы все знаем, гении часто мучаются от того, что приходится иметь дело с идиотами вокруг. А как мы знаем, девяносто девять процентов населения – идиоты.

Как и Риггса, я встретил Арсена в Академии имени Эндрю Декстера для мальчиков. Мы сразу же нашли контакт. Но всякий раз, когда мне и Риггсу приходилось переосмысливать себя, чтобы выжить, Арсен оставался собой. Пресытившийся, жестокий и беспристрастный.

– Все прошло хорошо, – соврал я.

– То есть я смотрю на нового партнера Кромвеля и Траурига? – Арсен скептически посмотрел на меня.

– Скоро. – Я опустился на стул рядом с ним, пытаюсь поймать Элиз, барменшу. Когда она прошла мимо нас, я помахал ей свежей стодолларовой купюрой через деревянную барную стойку.

– Это чертовски хорошие чаевые, Миллер, – сказала она, изогнув бровь.

У Элиз был нежный французский акцент, впрочем, у нее все было нежным и мягким.

– Что ж, тебе предстоит чертовски сложная задачка. Я хочу, чтобы ты подошла к Риггсу и облила его лицо напитком, как в банальном фильме восьмидесятых, который ты видела. Веди себя так, будто у вас свидание, а он променял тебя на ту блондинку. Тебя будет ждать еще один зеленый долларовый Бенджамин, если ты еще и поплачешь. Как думаешь, справишься?

– Работать барменшей в Нью-Йорке все равно что быть актрисой. У меня за плечами три шоу вне Бродвея и две рекламы тампонов! Конечно я справлюсь. – Элиз закрыла свой блокнот и засунула в задний карман обтягивающих джинсов.

Минутой позже лицо Риггса пахло водкой и арбузом, а кошелек Элиз пополнился на двести баксов. На Риггса накричали со знанием дела за то, что он заставил девушку ждать. А блондиночка вовсе вернулась к своим подругам, раздраженно фыркнув, и Риггс подошел к бару, наполовину изумленный и недовольный.

– Придурок, – сказал он, вытирая лицо краем моего фирменного пиджака.

– Скажи мне что-то, чего я не знаю.

– Пенициллин сначала называли плесневым соком. Спорю, ты не знал этого. Я тоже, пока месяц назад не сел на самолет в Зимбабве рядом с очень милым бактериологом по имени Мэри. – Риггс взял мое пиво, залпом выпивая его, и, цокая языком, продолжил: – Спойлер, в постели Мэри оказалась не девственницей.

– То есть в туалете самолета, – скривился Арсен.

– Хочешь зачитать мне кодекс о морали и чести, Корбин? – расхохотался Риггс.

В этом был весь Риггс. Он кочевал, пил чужие напитки, заваливался к нам переночевать, летал экономом, как дикарь. У него не было истоков, дома, никаких обязанностей, кроме работы. В двадцать два это было приемлемо. В тридцать два начинало потихоньку вызывать сострадание.

– Кстати об этом, куда ты завтра улетаешь? – Я выхватил у него эту чертову пустую бутылку до того, как он начал ее вылизывать.

– Горы Каракорум в Пакистане, – ответил он.

– В Америке закончились интересные места?

– Еще семь лет назад. – Он добродушно усмехнулся.

Риггс работал фотографом в National Geographic и еще в некоторых политических и природных журналах. У него была целая куча наград. Он посетил почти все страны мира. Все что угодно, чтобы избежать того, что ожидало его дома или, наоборот, чего там как раз не было.

– Как долго на этот раз мы будем лишены роскоши лицезреть тебя? – спросил Арсен.

– Месяц? Может, два. Я думаю получить другую командировку и сразу туда полететь. Непал. Может, Исландия. Кто знает? – Риггс откачнулся назад на своем стуле, балансируя только на его двух ножках.

Уж точно не ты, малыш, размером с мини-холодильник.

– Кристиан попросил повышение у Папочки номер один и Папочки номер два сегодня, и ему отказали, – Арсен ввел в курс дела Риггса, говоря максимально спокойно. Я забрал его японское пиво, выпивая.

– Да? – Риггс похлопал меня по плечу, предположив: – Может, это знак.

– Знак, что я полный лузер в своей работе? – весело спросил я.

– Что пришло время замедлиться и понять, что в жизни есть что-то, кроме работы. Ты всего добился. На горизонте больше нет опасности снова стать бедным. Просто расслабься, – объяснил Риггс.

Легче было сказать, чем сделать. Бедный Ники, который питался испорченной кашей, всегда будет жить где-то глубоко внутри меня, напоминая, что Хантс Пойнт всего в паре автобусных остановок и ошибок.

– Дело не в том, что я не получил повышения, – сказал я, толкнув локтем Риггса в ребра. Его стул снова встал на четыре ножки, и я продолжил, решив уточнить некоторые моменты: – Они хотят, чтобы я дал им посмотреть на громкое дело. Крупную победу, – объяснил я.

– А я-то думал, что такие штуки происходят только в фильмах с Дженнифер Лопес. – Арсен одарил меня издевательской усмешкой.

– Кромвель просто тянет время. Преодоление еще одного препятствия ничего не изменит. Партнерство мое, – ответил

я ему.

Без меня фирма «Кромвель & Трауриг» была не более чем грудой кирпичей и юридических бумажек на Мэдисон-авеню. Но все еще была лучшей фирмой на Манхэттене и имела хорошую репутацию. Так что уход оттуда ради партнерства в другой лучшей фирме в городе вызвал бы вопросы и, ко всему прочему, недоумения.

– Я так рад, что синдром «боязнь снова стать бедным» не заразен, – проговорил Риггс, останавливая Элизу и быстро заказывая еще алкоголь, говоря мне: – Наверное, ужасно быть тобой. Ты хочешь завоевать мир, даже если тебе придется в процессе сжечь его.

– Никто не пострадает, если я получу то, что хочу.

Риггс и Арсен одновременно покачали головами. Риггс смотрел на меня с нескрываемой жалостью.

– Это твое предназначение, Кристиан. Выпусти своих демонов на свободу, и посмотрим, что будет. Поэтому мы друзья. – Риггс похлопал меня по спине. – Только помни, чтобы стать королем, сначала ты должен свергнуть кого-то.

Я сел обратно на свой стул.

Пусть полетят головы, без разницы. Главное, что ни одна из них не будет моей.

Глава 3

Кристиан

Настоящее

Возможность доказать, что я достоин быть полноценным партнером в фирме, сама ко мне пришла в следующий понедельник. Она была упакована в коробочку с красным атласным бантом, которую мне оставалось лишь открыть.

Это было послание с небес. Если бы я был религиозен, а для этого у меня не было абсолютно никаких причин, то обязательно пожертвовал бы чем-нибудь во время Великого поста, чтобы показать Всевышнему мою благодарность. Правда, не таким критичным, как, например, секс или мясо, может быть, абонементом в винном клубе. Все равно я больше люблю скотч.

– Кое-кто хочет увидеть тебя, – сообщила Клэр, моя помощница. Краем глаза я видел, как она стучит в дверь моего кабинета, прижимая к груди толстую папку с бумагами.

– Я похож на того, кто принимает без записи? – спросил я, не поднимая взгляда и продолжая изучать документы.

– Нет, поэтому сначала я отказала ей, но она рассказала, из-за чего пришла, и... Теперь мне кажется, тебе стоит наступить себе на гордость и выслушать ее, – проговорила Клэр.

Я все еще продолжал что-то писать на полях документа, с

которым работал, и не поднял взгляда.

– Заинтересуй меня, – рявкнул я.

Клэр провела короткую презентацию дела. Сухие факты.

– Иск о сексуальном домогательстве против бывшего работодателя, – уточнил я, выбрасывая красный маркер и зубами открывая новый, продолжая работать. – Ничего особенного.

– Не просто бывший работодатель, – напомнила она.

– Это президент?

– Нет.

– Судья Верховного суда?

– Эм... Нет.

– Папа Римский?

– Кристиан – она кокетливо взмахнула рукой и не сдержала хриплый смешок.

– Это недостаточно большое дело для меня.

– Он важная шишка. Известен во всех важных кругах Нью-Йорка. Несколько лет назад баллотировался в мэры. Спонсор каждого музея Манхэттена. Мы говорим о большой рыбе. – Я поднял взгляд, слушая ее. Клэр провела шпилькой по стройной голени, почесав ту. Ее голос дрожал, пока она говорила. Она пыталась усмирить свое волнение. И я не мог ее винить. Ничего не радовало меня так, как осознание, что я получу сочное дело с сотней оплачиваемых часов и выиграю его. Была лишь одна вещь, которая настолько будоражила прирожденного убийцу, кроме крови, – это запах *голубой*

крови.

– Говоришь, он баллотировался в мэры? – Отвлекаясь от записей, я отложил свой маркер и откинулся в кресле. Клэр кивнула.

– И как далеко он прошел?

– Очень далеко. Получил поддержку от бывшего пресс-секретаря Белого дома, как и от некоторых сенаторов и местных чиновников. За четыре месяца до выборов загадочным образом выбыл из гонки из-за семейных обстоятельств. У него была очень милая, молоденькая и совсем не его жена, руководительница компании, которая живет в другом штате сейчас, – рассказывала Клэр.

Становится интересней...

– Верим ли мы причине «по семейным обстоятельствам»? – Я погладил подбородок.

– Верим ли мы в Санту, который спускается через дымоход и при этом остается веселым всю ночь? – Клэр наклонила голову, надув губы.

Снова беря свой маркер, я постучал им по столу, обдумывая все сказанное. Нутро говорило, что это именно тот, о ком я думал, а мои инстинкты никогда меня не подводили. И вообще-то технически это означало, что мне не следовало браться за это дело и подходить к нему даже на пушечный выстрел. Я был знаком с основными игроками и таил злость на обвиняемого.

Но «не следовало бы» и «не мог бы» означали совершенно

разные вещи, и не всегда они сходились.

Клэр же увлеклась перечислением причин, почему мне следовало взяться за это дело, так, будто я мастерски пытался догнать «Скорую помощь», пока я не остановил ее, подняв руку.

– Расскажи мне об истце, – сказал я.

Забавно, как мой превосходный контроль над импульсивными желаниями работал во всех сферах моей жизни: с женщинами, с диетой, в спорте, эго, пока дело не дошло до одной семьи. Риггс ошибался. Не по части демонов. Их у меня было много. Но я прекрасно знал, куда они привели бы меня – к порогу этого человека.

– Надежная, заслуживающая доверия и приветливая. Мне показалось, что она на шопинге, а не в поиске адвоката. Это будет большое дело, – сказала Клэр, покраснев, наслаждаясь моим взглядом на нее. Я мысленно пообещал себе отыметь ее сегодня до беспамятства за такой страстный взгляд.

– Дай мне пять минут, – сказал я.

– Слушай, тут новый бирманский ресторанчик открывается в Сохо сегодня... – не договорила она, останавливаясь у самых дверей.

– Помни, Клэр. Никаких отношений за пределами работы, – ответил я, покачав головой.

– Что могу сказать? Я пыталась. – Она со вздохом взмахнула волосами.

Спустя десять минут я сидел напротив Аманды Гиспен,

которая была дипломированным присяжным бухгалтером.

Клэр была права. Мисс Гиспен была идеальной жертвой. Если дело дойдет до слушаний, то присяжные, скорее всего, будут на ее стороне. Она была образованная, но без снисходительного взгляда, среднего возраста, с хорошей речью, была привлекательной, но не сексуальной, с головы до ног в одежде от St. John. Ее аккуратно высветленные волосы были заколоты назад, а во взгляде карих глаз отражался интеллект, а не злоба.

Когда я зашел в зал заседаний, где Клэр сказала ей подождать меня, она поднялась со своего места так, если бы я был судьей, и почтительно кивнула мне, выказывая уважение.

– Мистер Миллер, спасибо, что нашли для меня время, мне неудобно врываться так неожиданно, – сказала она.

Нет, ей не было неудобно. Она могла записаться на встречу. Тот факт, что она этого не сделала, а наивно верила, что я встречу с ней, интриговал меня.

Я сидел напротив нее, развалившись на вращающемся кресле Wegner, которое стало моим разорением на прошлое Рождество. Неприличная роскошь постоянно присутствовала в моей жизни. У меня не было семьи, для которой я мог что-то покупать. Вращающееся кресло должно было оставаться в моем офисе. Но Клэр, которой очень нравилось хозяйничать и дергать за красные ниточки моего терпения, иногда укатывала кресло в зал заседаний и использовала его в знак нашей дружбы и близости. Все остальные знали, что

им никогда не сошло бы такое с рук.

– Почему я, мисс Гиспен? – напрямую спросил я, сразу переходя к делу.

– Пожалуйста, называйте меня Аманда. Они сказали, что вы лучший.

– Кто такие эти «они»?

– Каждый адвокат по трудовым спорам, которого я навестила за последнюю пару недель.

– Совет на будущее, Аманда, не верьте адвокатам, мне исключительно. Кого вы в итоге наняли?

Когда дело касалось иска о сексуальном домогательстве, я всегда первым делом советовал клиентам найти адвоката по трудовым спорам, прежде чем начинать что-то делать. Мне было важно, с кем я буду работать плечом к плечу. Адвокатов в Нью-Йорке было много, как грязи, и многие оказывались не такими надежными, как метро во время снегопада.

– Тиффани д'Оралио. – Она разгладила невидимую складку на платье.

Неплохо. И не дешево. Аманда Гиспен точно была настроена решительно.

– Я знаю, что мужчина, который так поступил со мной, будет окружен армией из лучших адвокатов в городе. А вы известны как самый безжалостный судебный юрист в вашем деле. К вам я пришла в первую очередь, – сказала она.

– Технически я стал вашим первым прибежищем. Теперь, когда мы официально познакомились, я полагаю, вы дума-

ете, что я не смогу представлять вашего бывшего босса, – проговорил я.

– Если вы знали это, почему встретились со мной? – спросила она, неуверенно улыбнувшись.

Потому что я лучше вынесу долгую мучительную смерть, избитый миллионом пластиковых ложек, чем представлять кусок дерьма, против которого ты пошла.

Пробежавшись взглядом по ее лицу, я решил, что уважаю Аманду Гиспен. Нахальность была моим языком любви, *напористость* — моим любимым словом. К тому же, если мое подозрение было верным, у нас был общий враг, которого мы хотели победить, это автоматически сделало нас союзниками и хорошими друзьями.

– Полагаю, ваш бывший начальник знает, что вы обращаетесь в суд? – Я взял мячик-антистресс, который хранил в конференц-зале, и начал сжимать его в кулаке.

– Верно, – ответила она.

Жаль. Элемент неожиданности был половиной веселья.

– Просветите меня, – попросил я.

– Случай, из-за которого я здесь, произошел две недели назад, но перед этим были явные знаки, к чему все идет.

– Что случилось?

– Я выплеснула свой напиток ему в лицо после того, как он пригласил меня поиграть в покер на раздевание в его частном самолете, когда мы летели обратно со встречи в Фэрбанксе. Он схватил меня за руки и поцеловал против моей

воли. Я споткнулась и ударилась спиной. Когда я увидела, что он снова приближается ко мне, то хотела дать ему пощечину, но стюардесса очень вовремя ворвалась с закусками. Она громко спросила, нужно ли нам что-то еще. Думаю, она знала. Как только мы приземлились, он уволил меня. Сказал, что я не командный игрок. Обвинил меня в том, что я подала ему ложные знаки! И это после двадцати пяти лет работы. Я сказала, что засужу его. Боюсь, это неопровержимая улика, — закончила она свой рассказ.

— Мне жаль, что вам пришлось через все это пройти. — Мне правда было жаль, и я продолжил: — Теперь расскажите мне, что за явные знаки, которые были до этого?

— Я слышала от кого-то, что он отправил ей... отправил фотографию своего... своего кое-чего личного, — она судорожно вздохнула, — и мне кажется, она была не единственной. Поймите, в этой компании, где я работала, было так устроено. Мужчинам сходило все с рук, женщины ничего не могли с этим поделать. — Она вздрогнула.

Мои челюсти сжались. Ее нападавший наверняка уже вооружился адвокатами по самый нос. На самом деле я даже не удивлюсь, если он уже работал над ходатайством о прекращении дела по техническим или процессуальным основаниям. Однако, исходя из моего опыта, инвестиционные фонды любили решить все за пределами судебного зала заседаний. Их жертвы также не особо рвались рассказывать о самых деликатных и постыдных вещах в зале, полном незнакомцев,

только для того, чтобы потом быть разорванными адвокатами. Проблема была в том, что я не хотел решать это за пределами суда. Если он был тем, на кого я думал, то я хотел уложить его на разделочную доску и сделать из него тефтели на глазах у всех.

И я хотел использовать его, чтобы достичь своей цели. Чтобы я наконец получил свой главный приз – партнерство в фирме.

– Вы хорошо все обдумали? – спросил я, катая антистресс-мячик ладонью.

– Я видела, как ему слишком многое сходило с рук. Он обидел очень много женщин на своем пути. Женщины, которые, в отличие от меня, не могли жаловаться. Они прошли через худшее, чем я. Я хочу прекратить это, – кивнула она.

– Что вы хотите получить? Деньги или справедливость? – спросил я. Обычно я склонял своих клиентов к первому варианту. Не только потому, что справедливость была ненадежной, субъективной целью, но также потому, что, в отличие от денег, не было никаких гарантий.

– Возможно, все вместе? – Она поерзала в кресле.

– Оба варианта не всегда равнозначно исключают друг друга. Если вы все уладите вне суда, он уйдет безнаказанным и будет дальше насиловать женщин, – сказал я.

Для справки, чтобы не казалось, что это говорил хладнокровный монстр, сидящий глубоко у меня в желудке, или четырнадцатилетний Ники. Это были слова мужчины, который

встречал достаточно жертв сексуального насилия и мог точно определить этого хищника.

– И если я пойду в суд? – Она быстро заморгала, стараясь впитать всю информацию.

– Вы можете получить вашу компенсацию, но... можете и не получить. Но даже если мы проиграем, что – никаких обещаний – вряд ли возможно, он, надеюсь, станет осторожней, и ему, возможно, будет труднее избежать наказания в следующий раз.

– И если я решу урегулировать все вне суда? – Ее зубы впелись в нижнюю губу, когда она спрашивала это.

– Тогда, к сожалению, я не могу взяться за это дело.

Теперь во мне говорил Ники. Я не мог представить себя сидящим с этим человеком в офисе с кондиционером, зная, что он снова избежит наказания за очередное злодеяние против человечества.

– Позвольте мне спросить еще раз, мисс Гиспен. Деньги или справедливость? – Я наклонился вперед.

Она закрыла глаза. Когда она открыла их снова, то в них можно было увидеть гром и молнии.

– Справедливость, – ответила она.

Мои пальцы сжали мяч сильнее, адреналин бежал по моим венам.

– Это будет сложно. Вам придется выйти из зоны комфорта. Если быть точнее, полностью покинуть ее. Предположительно, мы сможем обойти их неизбежное ходатайство

об отклонении и перейти к этапу расследования. Во время расследования его адвокаты попытаются устроить допросы и запрасят ходатайства с одной-единственной целью – найти как можно больше грязи на вас и втоптать вас в эту грязь всеми возможными способами. Конечно, будут показания и слушания с доказательствами. Но даже после этого ваш бывший начальник наверняка подаст ходатайство о вынесении решения в упрощенном порядке, чтобы попытаться добиться прекращения дела без судебного разбирательства. Это будет неприятно и наверняка долго и точно ментально тяжело. Когда все закончится, у вас будет другой взгляд на всю человеческую расу.

Я чувствовал себя так, будто был амбициозным мальчишкой, прикрывающим все свои нужды, прежде чем затащить кого-то в постель, – была ли она достаточно трезва? Хотела этого? Была ли здорова? Было важно все согласовать, прежде чем приступить к работе.

– Я знаю, – сказала Аманда, выпрямляясь и поднимая подбородок. – Поверьте мне, это не импульсивное решение, не попытка отомстить бывшему начальнику. Я хочу разобраться с этим, мистер Миллер, у меня достаточно доказательств.

Спустя три с половиной оплачиваемых часа и две отмененные встречи я знал достаточно о деле Аманды Гиспен о сексуальных домогательствах, чтобы понять, что у меня хорошие шансы. У нее были заметки о времени, регистрационный журнал звонков в изобилии. Свидетельницы в виде стю-

ардессы и секретарши, которые были уволены ранее в том же году, и вызывающие сообщения, которые заставили бы любую порноактрису краснеть.

– Какие наши первые шаги? – спросила Аманда.

Прямо в ад после всех этических правил, которые я собираюсь нарушить.

– Я отправлю вам письмо о встрече. Клэр поможет вам собрать всю информацию и подготовиться к подаче жалобы в Комиссию по соблюдению равноправия при трудоустройстве⁹, – сказал я.

– Я нервничаю. – Пальцы Аманды сжали край ее платья.

– Это нормально, но совершенно ни к чему. – Я передал ей антистресс-мячик, как будто это было свежее блестящее яблоко.

– Просто... Я не знаю, чего ожидать, когда мы все заполним, – призналась она, взяв мяч. Она смущенно его сжала.

– Для этого у вас есть я. Помните, что вы можете согласиться на урегулирование без судебного процесса в любой момент, так как это дело о сексуальном домогательстве. Перед и во время судебного разбирательства, даже посреди суда, – сказал я.

– На самом деле урегулирование – это не то, что я рассматриваю сейчас. Меня не волнуют деньги. Я хочу видеть, как он страдает.

Мы оба.

⁹ КСРП (англ. Equal Employment Opportunity Commission EEOC).

– Вы верите мне, правда же? – Ее зубы поймали нижнюю губу, снова кусая ее.

– Конечно.

Как странно, подумал я, устроен человек. Мои клиенты часто спрашивали меня, верил ли я им. И хотя правдивым ответом было то, что это не имело значения – я был на их стороне и в дождь, и в ясную погоду, – на этот раз я, успокаивая ее, говорил правду.

Я не дам спуску Конраду Роту. Сексуальное домогательство было вполне в его стиле.

– Оставьте себе, – сказал я, покачав головой, когда Аманда протянула мне обратно мячик, вздохнув.

– Спасибо, мистер Миллер. Я не знаю, что делала бы без вас.

– Мы еще обсудим ваши ожидания, и я передам свои рекомендации, основанные на доказательствах. – Я встал, застегивая пиджак.

Аманда тоже поднялась; одна рука перебирала жемчуг на шее, другая была протянута для рукопожатия.

– Я хочу, чтобы этот мужчина сгорел в аду за то, что он сделал со мной. Он мог изнасиловать меня. Я уверена, он сделал бы это, если бы не стюардесса. Я хочу, чтобы он знал, что никогда больше не сможет сделать этого с другими, – сказала она.

– Поверьте мне, я сделаю все возможное, чтобы уничтожить Конрада Рота.

Глава 4

Кристиан

Прошлое

Как все в этом мире, чему было суждено умереть, наши отношения начались на кладбище.

Я впервые встретил Арию Рот. Во время летних каникул в пятый раз или, может, шестой мама тащила меня по Парк-авеню. Администрация службы по защите детей заявлялась в квартиры на Хантс Пойнт после смерти мальчика по имени Кит Олсен. Он жил в конце моей улицы и умер во сне из-за переохлаждения. Все знали, что отец Кита разменивал продовольственные талоны, рассчитанные на их семью, на сигареты и женщин, но никто не догадывался, насколько у Олсенов все было запущено.

Мама знала, что эта администрация не отстанет так просто. Она хотела, чтобы я был с ней, но не настолько, чтобы попросить Конрада и Беатрис Рот разрешить мне оставаться в их квартире, пока она работала. Так что это привело к тому, что мама оставляла меня на улице около дома Ротов шесть раз в неделю с восьми до пяти, пока она убиралась, готовила, стирала и гуляла с их собакой.

У нас с мамой было что-то вроде рутины. Мы вместе ехали на автобусе каждое утро. Я впитывал виды города из окна, наполовину засыпая, пока она вязала свитера, чтобы потом продать их за гроши в благотворительный магазин «Спасенные сокровища». Потом я доходил с ней до огромного черно-белого здания со входом в виде арки, оно было такое высокое, что мне приходилось запрокидывать голову, чтобы увидеть целиком. Мама носила униформу – желтую рубашку поло с короткими рукавами и логотипом компании, в которой работала, и голубой фартук поверх брюк цвета хаки. И

обычно перед тем, как она пропадала в парадном входе здания, больше напоминавшем мне пасть, проглатывающую ее, мама сжимала мое плечо и наклонялась ко мне, чтобы отдать пять долларов. Она всегда повторяла мне заученную на всю жизнь фразу: «Это на завтрак, обед и перекус. Помни, Николай, деньги не растут на деревьях. Трать их с умом».

По правде говоря, я никогда не тратил эти деньги, совсем. Вместо этого я таскал еду из местного винного погреба. Через некоторое время кассир поймал меня и сказал, что мне открыты двери в тайник, где была просроченная еда, в его кладовке, если я никому не скажу.

Мясо и молочные продукты были не очень, но засохшие чипсы вполне подходили для перекуса.

Остальное время у меня было свободно. Сначала я слонялся по паркам, тратя время, наблюдая за людьми. Но потом понял, что меня безумно злило видеть других детей и их родственников, нянь и иногда даже родителей. Они проводили время вместе на ровно выстриженных аллеях парка, качаясь на турникетах, поедая заранее приготовленные сэндвичи в форме звездочек, широко улыбаясь для фотографии, даже если не было зубов, чтобы сохранить воспоминания о счастливых моментах и убрать их в карманы. Мое и так глубокое чувство несправедливости раздувалось внутри, как воздушный шар. Моя бедность была заметна и очевидна в том, как я ходил, говорил и одевался. Я знал, что выгляжу безумно бедным, и мне не нужно было напоминание об этом, видя, как

другие смотрели на меня. С отстраненным беспокойством, как обычно смотрят на дворняг на улице. Я мозолил им глаза в их идеальном мире. Словно пятно от кетчупа на дорогой дизайнерской одежде. Напоминание, что всего в нескольких кварталах был совсем другой мир, полный детей, которые не знали, что такое походы к логопеду, дома для отдыха или безглютеновые завтраки. Мир, где холодильник чаще всего был пустым. А парочка ударов от родителей время от времени наполняли тебя чувством радости, ведь это означало, что им было не наплевать на тебя.

Первые дни были убийственно мучительными. Я считал по секундам, когда мама вернется, пялясь на свои дешевые часы, думая, что они специально шли так медленно, лишь бы помучить меня. Мама покупала мне масленый и липкий хот-дог, когда мы возвращались домой. Она брала его в местной забегаловке у нас на районе из-за чувства вины и усталости от подхалимства перед чужой семьей, но даже это не уменьшало мои мучения.

На третий день летних каникул я нашел маленькое приватное кладбище, оно находилось между Центральным парком и будкой с рекламой автобусных туров. Кладбище было спрятано из виду, пустое большую часть времени и удобно располагающееся рядом с выходом из дома Ротов. Иронично, но это был мой рай на земле. Следующие дни я провел на кладбище, почти не уходя оттуда. Только иногда, когда мне нужно было найти дерево и справить нужду, найти сигарет-

ные окурки или найти что-нибудь съедобное в том тайнике винного погреба, набивая карманы едой больше, чем я мог съесть, чтобы потом продать оставшееся в Хантс Пойнте. Я обычно брал еду и бежал обратно на кладбище, где я мог опереться на могильный камень какого-то человека по имени Гарри Фрейзер и уткнуться в него лицом.

Кладбище Маунт-Хеброн не было ужасным местом. Мне оно казалось таким же, как все остальное, что было в этом районе. Чистое и безупречное, с розами, которые все время цвели, ровно постриженными кустами и аккуратно выложенными дорожками. Даже надгробные камни сияли так, будто были новенькими кроссовками Jordan. Несколько машин, припаркованные около служебного домика, были «Лексусами» и «Порше».

Это место было похоже на мантию-невидимку. Иногда я притворялся, что мертв, и никто не мог увидеть меня. Никто не видел меня. Осознание этого успокаивало меня. Только глупые люди хотели, чтобы их видели и слышали. Чтобы выжить в моем мире, нужно было полностью исчезнуть.

Все было в порядке до четвертого дня. Стоит сказать, что я занимался своими делами – дремал, пользуясь надгробием Гарри Фрейзера как подушкой. На улице было жарко, душно, температура давила на меня со всех сторон. Жар поднимался от земли, и солнечные лучи пробивались сквозь ветви деревьев. Я проснулся, дернувшись во сне, над моей бровью скопился плотный слой пота, у меня кружилась голова

от жажды. Мне нужно было найти садовый шланг. Когда мои глаза открылись, я увидел девочку примерно моего возраста через шесть могил от меня, под гигантской могучей ивой. Она была одета в джинсовые шорты и майку. Девочка сидела на одной из могил, наблюдая за мной глазами цвета грязного болота. Ее коричневые волосы были в полном беспорядке. Они были волнистые и торчали в разные стороны, как змеи у Медузы.

Бездомная? Может быть. Я собирался ударить ее, если она попробует что-то украсть у меня.

– На что ты уставилась? – огрызнулся я, засунув руку в передний карман, чтобы вытащить бычок от сигареты и поднести к краю рта. Мои джинсы были слишком короткие и показывали голени, больше похожие на палки, но в талии были широки. Я знал, что не выглядел на двенадцать. Максимум на десять, и то в хорошие дни.

– Я смотрю на мальчика, спящего на кладбище.

– Смешно, Шерлок. Где твой мистер Ватсон?

– Я не знаю никакого мистера Ватсона. – Она все еще смотрела на меня. – Почему ты тут спишь?

– Устал, почему же еще. – Я пожал плечами.

– Ты жуткий.

– А ты не занимаешься своими делами, – я старался говорить холодно и жестко, чтобы отпугнуть ее. Мама всегда говорила, что лучшая защита – это нападение. – В любом случае, что ты здесь делаешь?

– Я убегаю сюда проверить, не заметит ли мама, что меня нет дома.

– Не замечает? – спросил я.

– Никогда. – Она покачала головой.

– Почему здесь? Почему не где-нибудь еще? – нахмурился я.

– Еще я навещаю моего брата-близнеца. – Она показала на могилу, над которой стояла.

Ее брат-близнец умер. Даже в двенадцать я прекрасно понимал, что такое смерть. Родители мамы умерли, как и Кит Олсен, и Сергей из гастронома через квартал, и Тэмми, проститутка, которая жила в палатке в парке Риверсайд. И на похоронах я был. Но эта девочка, потерявшая своего брата... Это было странно для меня. Дети нашего возраста не умирают просто так. Даже смерть Кита Олсена вызвала волнения в Хантс Пойнте, а там у нас была довольно жесткая и непробиваемая толпа.

– Как это произошло? – Я поудобнее устроился на каменной плите Гарри Фрейзера, прищуривая глаза, смотря на нее, чтобы она знала, что я все равно за ней слежу, даже если ей грустно или еще что. Она барабанила пальцами по своей коленке, на которой была отвратительная глубокая рана. Она наверняка, как и я, перелезла через ворота, чтобы попасть сюда. Так как кладбище было частным, сюда нельзя было пробраться, просто взломав замок. Нужно было позвонить охране, чтобы тебя впустили. Мое плохое впечатление

о ней сменилось на вынужденное уважение. Даже девчонки из моего района, которых сложно было девочками назвать, не перепрыгнули бы через ворота. На воротах были острые металлические выступы, и они были высотой примерно в восемь футов.

– Он умер во сне, когда мы были еще младенцами, – ответила девочка.

– Это и правда отстойно.

– Да уж. – Она плюхнулась на землю, нахмурившись. – Когда-нибудь задумывался, почему мы это делаем?

– Умираем? Не думаю, что это специально, – проговорил я.

– Нет. Хороним мертвых.

– Я не особо думаю о таких вещах, – мой голос стал тверже.

– Сначала я думала, что это как сажать семена, и тогда надежда сможет расцвести.

– А теперь? – Я вытер пот над бровью. Она выглядела умной. У многих детей нашего возраста ум был как у домашнего растения.

– Теперь я думаю, что мы хороним их, потому что не хотим делиться миром с ними. Это так больно, – сказала она.

Я все еще хмурился, пытаюсь придумать, что сказать.

Я очень хотел пить, но не хотел двигаться. Было такое чувство, что я на каком-то тесте. Или конкурсе. Это была моя территория. Мое кладбище на лето. Я не хотел, чтобы она

думала, будто могла приходить сюда и красть мое место, с мертвым братом или нет. Но было и еще кое-что. Я не знал, что это. Может быть, в конце концов было не так уж плохо – не быть одному

– И что? Ты так и будешь стоять и пялиться на меня? Делай что хотела, – я затянулся окурком, пытаюсь поджечь его зажигалкой, которую на днях мистер Ван уронил в общем коридоре.

– Да. Ладно. Только не отвлекай меня, ты... фрик. – Она нервно махнула рукой в мою сторону.

Я закатил глаза. Она была странной. Ее брат был ребенком, когда она потеряла его, верно? Не то чтобы они были близки или что-то такое. Тем не менее. Что я знал о родственниках? Только одну вещь на самом деле: у меня не будет ни одного. Все потому, что моя мама каждый раз, когда ребенок закатывал истерику в сети магазинов the Dollar Tree или в универмаге Kmart, обращала на это внимание и говорила: «Дети неблагодарные, и на них тратится очень много денег. Дорогая ответственность».

Боже. Спасибо, мам.

Девочка отвернулась от меня к могиле. Она с нежностью погладила надгробие, которое казалось меньше остальных. На самом деле все могилы в этом ряду были маленькие. Холодок пробежался вниз по моей спине.

– Привет, Ар. Это я, другая Ар. Я просто хотела провести тебя. Мы скучаем по тебе каждый день. У мамы снова

тяжелый период. Она профессионально игнорирует меня и папу. На днях я говорила с ней, а она смотрела сквозь меня, будто я призрак. Она делает это специально. Наказывает меня. Я тут подумала, может, ты будешь навещать ее меньше на следующей неделе? Я знаю, она видит тебя все время. В твоей комнате, на диване, где мы раньше спали, в окне...

Она говорила около пяти минут. Я пытался не слушать, но это было все равно что пытаться прибить к стене желе. Она была совсем рядом. Я даже думал, она заплачет, но в конце она все-таки сдержалась. Наконец девочка подобрала маленький камешек с земли и положила его на мрамор, поднимаясь.

Она направилась обратно к воротам.

– Зачем ты это сделала? – не удержался я от вопроса.

– Сделала что? – Она повернулась ко мне, удивленно смотря, будто забыла, что я был здесь.

– Штуку с камнем, – объяснил я.

– По еврейским традициям нужно положить маленький камешек на могилу, чтобы показать, что ты навещаешь кого-то, что они не забыты, – сказала она.

– Ты еврейка?

– Моя домработница была.

– Значит, ты из богатеньких.

– Потому что у меня была домработница? – Она посмотрела на меня так, будто перед ней идиот.

– Потому что ты знаешь это слово.

– Как и ты. – Она сложила руки на груди, не собираясь проигрывать спор, даже если он такой глупый и незначительный. – Однако ты не выглядишь богатым.

– Меня не стоит считать за пример. – Я рукой зарылся в землю, наслаждаясь ощущением песчинок под подушечками пальцев. Я смотрел на мир шире, чем обычные дети. Изучал жизнь, как свои наручные часы. Мне хотелось перевернуть их, вытащить все шурупчики, посмотреть, как все работает, из-за чего они тикали. Я уже пообещал себе, что не стану как мама. Я не позволю богатым людям поглотить себя. Я поглущу их, если понадобится.

– Видимо, тогда я богатая. – Она взяла другой маленький камешек, погладив его большим пальцем, и продолжила: – А ты нет?

– Спал бы я на кладбище, если бы был богатым?

– Не знаю. – Она провела рукой по запутанным волосам, которые были в листьях, в каких-то веточках и колтунах, после чего снова сказала: – Наверное, я не думаю, что все дело в деньгах.

– Это все потому, что у тебя они есть. Но ты не выглядишь так. Богатой то есть, – проговорил я.

– Почему? – спросила она.

– Ты некрасивая, – по-умному ответил я.

Вот теперь она должна была уйти. Я успешно обидел ее. Вербально показал ей средний палец. Но вместо этого она повернулась в мою сторону.

– А ты не хотел бы лимонада и голубцов?

– Ты меня не слышала? Я называл тебя уродиной.

– И что? – Она пожала плечами. – Люди все время врут.

Я знаю, что красивая.

Всевышний. И она до сих пор стояла и ждала.

– Нет, я не хочу лимонад и голубцы.

– Ты уверен? Они вкусные. Моя горничная делает их с рисом и фаршем из говядины. Это что-то вроде русской кухни, – проговорила она.

В моей голове буквально зазвенел звук тревоги, все запылало красными предупредительными значками. Голубцы были маминой фишкой, когда мы могли позволить себе купить фарш из говядины, а это случалось очень редко. И если эта девчонка предлагала принести еду сюда, значит, она жила где-то рядом.

– Как тебя зовут? – спросил я максимально спокойно.

– Арья, – сказала она и после короткой паузы добавила: – Но друзья называют меня Ари.

Она знала, кто я.

Она знала и хотела, чтобы я точно запомнил, где мое место. «Моя горничная», – так она сказала. Я был просто незначительной частью мамы.

– Ты знаешь, кто я? – Мой голос звучал хрипло.

– Есть догадка, – ответила девочка, взмахнув волосами.

– И тебе все равно?

– Да.

– Ты искала меня? – спросил я. Может, она хотела просто посмеяться над мальчиком, который ждал, когда его мама закончит прислуживать ей?

– Вроде того. Так что, лимонад и голубцы? – Она закатила глаза, когда ответила мне.

Отказать было бы глупо. В первую очередь я был жуликом. Эмоции не играли особой роли. И она предлагала еду и напиток. Что бы я ни думал о ней, не имело значения. Мы же не станем лучшими друзьями. Один перекус не потушит пламенную ненависть длиною в шесть лет.

– Давай, Ари.

Так называемые последние слова.

Это положило всему начало.

Глава 5

Кристиан

Настоящее

– Ты, должно быть, прикалываешься. – Арсен проткнул палочками кусок своего тунца в поке-баре, когда мы сидели там вечером. Мне хотелось рассказать о своем дне хоть кому-то, поэтому Клэр пришлось согласиться быстро переспать в каком-то отеле, и ей даже не досталось никакой вкусной еды на заказ.

– Ты не можешь защищать эту женщину! Ты знаешь Конрада Рота! Ты очень хорошо знаешь Конрада Рота. Более того, ты мечтаешь переехать его на бульдозере.

Я ковырялся в своей тарелке, пихая морские водоросли из одного края в другой, не заморачиваясь логичными и обоснованными доводами. У мести не было рифмы или ритма. Все было гораздо проще. У нее была сексуальная и безжалостная сестренка – карма.

Дни были долгими, но годы пронеслись перед глазами. Конрад Рот слепил из меня того мужчину, которым я был сейчас, и он не захотел бы пересечься с таким мной. Невозможно было упустить возможность увидеть его снова. Показать ему, что я вернулся на его территорию в верхний Ист-Сайд в одежде брендов, которые он носил, что я обедал в тех же ресторанах, где он, и сплю с обеспеченными женщинами,

с которыми его дочь училась в школе и называла подругами. Нечисть вылезла из-под земли, пачкая его идеальную жизнь, и совсем скоро он встретится с монстром, которого сам сотворил.

Я больше не был Николаем Ивановым, ненужным сыном Русланы Ивановой.

Я переродился в новую, превосходную версию в костюмах от Tom Ford, с привлекательной улыбкой и с хорошо отработанными манерами. Люди, такие как Руслана Иванова, никогда не существовали в жизни Кристиана Миллера. Они были невидимками. Вещами. Даже не занимали абзац в моей истории или хотя бы предложение. Только что-то в скобках, только если эти люди случайно разбивали дорогие вазы у меня в гостиной.

– Он меня не узнает, – сказал я, замечая, что две девушки, которые обслуживали нас, перешептывались друг с другом и писали свои номера на кусочках салфеток.

– Да, ты прям неузнаваем, Кристиан! Гигант ростом в шесть футов, с ясным взглядом бирюзовых глаз и сломанным носом. – Арсен скривился от отвращения.

Прошло два десятилетия после щедрого хука Конрада прямо мне в нос.

– Именно. Он помнит костлявого мальчишку, которого видел пару раз во время летних каникул, еще до того, как я начал бриться, – указал я палочками еды на Арсена.

Я врал. Я вообще не думал, что Конрад Рот помнил меня.

Поэтому можно было браться за дело без опаски.

– Ты играешь с огнем, – предупредил Арсен.

– Не имеет значения, с кем я играю, до тех пор, пока это значит выиграть.

– Ладно. Тогда просвети меня. Допустим, он не узнает твою несчастную физиономию и кто ты такой, но зачем так рисковать? В чем здесь удовлетворение?

– Ах, – я цокнул языком. – Потому что любой другой согласился бы на решение без суда, и дело с концом. Я же хочу втоптать его в грязь. Заставить страдать. И, как бонус, он поможет мне получить партнерство. Выгодная сделка.

– Пятьдесят баксов, что он узнает тебя. – Арсен смотрел на меня так, будто я был психом, на что, признаюсь, были основания. В моих словах было мало здравого смысла.

– Сто баксов, если не узнает. Я заберу чек в понедельник, – громко рассмеялся я.

Не было даже малой возможности, чтобы Конрад Рот мог узнать меня. Мне удалось скрыться с его радаров сразу же после выпуска из Академии имени Эндрю Декстера и изменить имя, адрес и номер телефона. Николай Иванов пропал без вести спустя пару недель после выпуска. Он был мертв для горстки людей, которые его знали. Иронично было то, что Рот платил за мое обучение в знак благотворительности, и полученные за эти деньги знания я буду использовать против него в качестве оружия.

В конце концов, он не прекращал следить за мной, даже

когда я жил в нескольких штатах от него.

– Послушай, Конрад Рот узнает тебя. Здесь нет никаких «если». – Арсен сверкнул белыми зубами, напоминавшими волчьи клыки. Он терпеть не мог нелогичных вещей. Месть была одной из наименее рациональных вещей в мире. В девяти из десяти процентах случаев все только становилось хуже.

– И? – Я изогнул бровь. – Какая разница?

– Твоя карьера! – Арсен поморщился и продолжил: – Твоя карьера, вот в чем разница! Я вижу, твое дедуктивное рассуждение вышло погулять. Но ты можешь лишиться звания адвоката, если он заполнит жалобу. Стоит ли эта история потери твоей карьеры?

– Во-первых, не так просто лишиться звания адвоката. Я не получил свою степень по юриспруденции где-то в Костко. – Я забросил в рот кусочек эдама и продолжил: – Во-вторых, даже если он узнает меня, – чего не будет, – он не посмеет. У меня много рычагов давления на него. Никто не знает, что он со мной сделал, – закончил я.

– Даже если это все правда, – Арсен помахал своей палочкой для риса в воздухе, – ты все равно не сможешь подойти к этому делу с чистой головой, фокусом и каплей здравомыслия, которое ты уже теряешь с каждой секундой. У тебя нет ничего из этого, если дело касается Рота.

– Пришло их время за все заплатить, – прошипел я.

Одна из девушек, которая обслуживала нас, с важным ви-

дом подошла к нам, виляя бедрами, словно это был маятник. Она положила перед нами два номера телефона на салфетках и заодно поставила пиво за счет бара.

– Выбирайте, мальчики, – сказала она, подмигнув.

– Их? – Арсен приподнял темную тонкую бровь. – Теперь мы говорим о нескольких людях?

Он засунул одну из салфеток в карман, хотя я знал, что он не собирался звонить. Среди нас троих только Риггс мог чаще всего завалиться в кровать с кем-то, кто не входил в категорию его налогов, потом уже был я, и в самом конце Арсен. Он был знатоком девушек аристократичных, безумно успешных и был избирателен во всем: какой у них вкус, запах и какую одежду носят. Если бы мне нужно было ставить деньги и угадать, кто из нас мог быть психопатом, я бы поставил на Арсена.

– Ты преувеличиваешь. – Я подошел к мусорке, выкидывая недоеденный поке.

– А ты в стадии отрицания. – Арсен шел за мной. – Ты таишь обиду на четырнадцатилетнюю девочку, Кристиан. Это показывает тебя не с лучшей стороны.

– Ей больше не четырнадцать. – Я ладонями открыл стеклянные двери и вышел на улицу, где уже была темная зимняя ночь. Шел дождь, больше похожий на тонкие линии, которые струились с неба. Звук города напомнил мне, что я был с ней под одним кусочком неба, возможно, нас разделяло всего несколько улиц.

Так близко и все равно слишком далеко.

Она наверняка уже забыла меня, но ее ждало знакомство с новой версией мальчика, с которым ей нравилось играть.

Арья Рот теперь выросла, и ей предстояло заплатить за то, что она сделала.

Глава 6

Кристиан

Прошлое

Она приходила снова и снова, каждый чертов раз.
Мы провели большую часть летних каникул на кладбище

Маунт-Хеброн, прыгая между могилами, будто те были всего лишь преградой на пути.

Спустя день после нашей неожиданной встречи она принесла книгу с названием «Секретный сад», и мы стали читать ее, потными висками прижимаясь друг к другу, так как вдвоем держались за одну сторону книги. Мы читали по одной странице по очереди, и вполне легко можно было понять, что пытались впечатлеть друг друга.

На следующий день я принес «Шерлока Холмса» из местной библиотеки. Мы снова читали ее по очереди, и я орал на нее за то, что она загибала страницы в книге, так как беспокоился, что меня отчитают за это при возвращении книги.

Мы сидели на могиле Гарри Фрейзера и читали. Порой мы говорили о ее брате Аароне, как будто он был с нами. Мы даже придумали ему личность и все, как полагается, для образа. Он был занудой, который отставал от нас и никогда не хотел ничего делать. Кладбище стало нашим секретным садом со своими сокровищами и тайнами, которые предстояло разгадать. Все было изучено нами вдоль и поперек, мы знали имена жителей кладбища наизусть.

Однажды охранник заметил, как мы играли в прятки. Тогда мы убегали, сверкая пятками, будто нас сейчас убьют. Он не дал нам форы, громко ругаясь и махая кулаком в воздухе. Когда мы добежали до железных ворот, я посадил Арию, чтобы она могла быстрее забраться. Охранник чуть было не поймал меня, но Арья схватила меня за руку и потащила на

себя, прежде чем он успел схватить меня за футболку через ворота. Это был последний раз, когда мы там были.

Остатки летних каникул мы провели, исследуя беседки в Центральном парке и прячась в кустах, чтобы пугать бегунов. Арья приносила еду и напитки, иногда даже захватывала с собой настольные игры. Когда она стала приходить со всем в удвоенном экземпляре: шоколадки, батончики и бутылки с водой, — я знал, что мама обо всем догадывалась, но делала вид, будто ничего не происходило.

Правда, однажды вечером, когда мы с мамой возвращались домой, она схватила меня за ухо, сжала его до такой степени, что оно побелело.

— Помни, что мистер Рот прибудет тебя, если ты тронешь ее, — сказала она тогда.

Трону ее? Мне даже не хотелось смотреть на нее. Но разве у меня был выбор? С Арьей время летело незаметно, и она приносила мне еду и изотоники.

К концу летних каникул мы с Арьей были неразлучны. Только когда начался учебный год, наша дружба закончилась. Говорить по телефону было отстойно и как-то неестественно, мы пробовали уговорить наши семьи на день игр, концепт встреч которых Арья безуспешно пыталась объяснить мне несколько раз.

Иногда я писал ей, но никогда не отправлял эти письма.

Последнее, чего мне хотелось, чтобы Арья подумала, что нравилась мне.

К тому же это даже не было правдой.

Снова наступили летние каникулы. Я был на четыре дюйма выше. И снова мама тащила меня на работу. На этот раз мне можно было пойти вместе с ней в пентхаус. И не потому, что мама волновалась за меня, а потому что она беспокоилась *из-за* меня. В этом году я начал продавать поддельные Jordan за 500 процентов прибыли от комиссии, которую установил Малыш Ричи, он же и давал мне эти кроссовки. Директор школы предупредил маму, что отправит меня напрямую в колонию для несовершеннолетних, если я не прекращу.

Когда я впервые ступил на священную землю пентхауса Ротов, у меня закружилась голова. Все стояло здесь кражи. Я даже бы засунул стены в карманы, если бы мог.

Мраморный оникс блестел, словно шерсть пантеры, на солнце. Мебель была такой изысканной, что казалось, она парила в воздухе, а не просто стояла на полу, впечатляю-

щие картины висели на всех стенах. Один только холодильник был больше всей нашей ванной. На потолке висели канделябры, везде стояли мраморные статуи и лежали дорогие мягкие ковры. Если богатеи жили так, то зачем им вообще было выходить на улицу.

Но главной жемчужиной был открывающийся вид на Центральный парк. Силуэты небоскребов виднелись, словно были частью золотой короны. И человеком, который носил эту корону, была Арья. Она сидела за крыловидным белоснежным роялем в выходном платье, я мог видеть ее прямую спину и серьезное выражение лица.

Я забыл как дышать. Именно тогда я понял, какая она красивая. То есть я знал, что она не была уродиной. В конце концов, у меня же были глаза. Но мне никогда не приходило в голову, что она прямая противоположность уродства. Прошлым летом Арья была лишь... Арьей. Ребенок, который не боялся прыгать через ворота и из кустов пугать людей. Девочка, которая помогала мне найти окурки сигарет, чтобы я мог затянуться.

Арья вскинула голову, замечая меня, в этот момент ее глаза будто заблестели. Впервые в моей жизни я почувствовал себя неуверенно. До этого момента мне было плевать на свой большой нос и уши, как у слона Дамбо из мультика, и раньше меня совсем не волновало, что я был слишком худым для своего роста.

Родители Арьи стояли позади нее, наблюдая, как она иг-

рала композицию. Ее отец держал ее за плечо, будто она могла в любой момент вспорхнуть. Я знал, что она не могла говорить со мной, поэтому игнорировал ее, размазывая по полу жвачку, на которую я наступил на улице. Мы с мамой стояли так, будто были оставленными пакетами с едой из магазина. Мама нервно мяла свой фартук, ожидая, когда Арья закончит играть.

Когда Арья все же прекратила исполнять композицию, мама сделала шаг вперед. Ее улыбка выглядела максимально неестественно, из-за чего мне хотелось стереть ее одной из маминых тряпок для уборки.

– Мистер Рот, миссис Рот, это мой сын Николай, – проговорила мама.

Беатрис и Конрад Рот подошли ко мне одновременно, как это обычно делали близнецы в фильмах ужасов. Глаза Конрада казались мертвыми, маленькие и блестящие, словно у акулы, у него были коротко подстриженные серебристые волосы и костюм, от которого буквально пахло деньгами. Беатрис же была образцовой женой, будто какой-то приз. Ее золотистые волосы были слегка растрепаны, а косметики на лице было столько, что казалось, можно слепить трехъярусный свадебный торт, и этот отсутствующий взгляд женщины, которая была загнана в угол. Я видел похожие взгляды жен преступников в Хантс Пойнт. Они точно знали, какая цена была у денег.

– Как мило с твоей стороны, – кратко сказала Беатрис, но,

когда я протянул руку для рукопожатия, она лишь похлопала меня по запястью и продолжила: — У вас прелестный мальчик, Руслана. Высокий и с голубыми глазами. Никогда бы не подумала, — добавила она.

— Помните, что мы обсуждали, Руслана. Он должен держаться подальше от Ари. — Конрад быстро взглянул на меня, после чего посмотрел на мою маму. Он выглядел так, будто готов был взорваться от гнева, будто мое существование было неким неудобством.

Я почувствовал, как ком с размером с Нью-Джерси встал у меня посреди горла. Они говорили так, будто меня здесь вообще не было.

— Конечно, — ответила мама, послушно кивнув, и я возненавидел ее в этот момент. Возможно, даже больше, чем я ненавидел Конрада. — Николай все время будет под моим присмотром, — добавила она.

За их спинами Арья закатила глаза, изображая в воздухе пистолет и прижимая дуло к своему виску. Когда она не по-настоящему выстрелила, ее голова резко дернулась. Все мои переживания, что она забыла обо мне и нашей дружбе, сразу же испарились.

Я подавил усмешку.

Я понял, что надежда была словно наркотик.

И Арья только что дала мне попробовать первую бесплатную дозу.

Мама особо не следила за правилом «держись подальше от Арьи». У нее было слишком много забот, чтобы еще думать об этом. Зато она сказала, что если я когда-нибудь дотронусь до Арьи, то буду мертв для нее.

– Если думаешь, что я дам тебе все разрушить, то глубоко ошибаешься. Один промах – и вот он, твой конец, Николай, – предупредила мама.

Несмотря на это, лето, когда нам с Арьей было по тринадцать, было лучшим в моей жизни.

Конрад был важной шишкой на Уолл-стрит, крутым волком, который управлял огромной компанией инвестиционного фонда. Арья пыталась объяснить мне, что такое хедж-фонд или инвестиционный фонд. Это звучало как нечто похожее на опасные азартные игры, и я мысленно решил, что проверю, что это такое, когда вырасту. Конрад работал допоздна, мы почти не видели его. А в промежутках между походами по магазинам в Европе, обедами в загородных клубах Беатрис больше была старшей сестрой Арьи, которую нико-

гда не было видно, чем матерью. Мы с Арьей довольно быстро погрузились в нашу новую рутину. Каждое утро мы ходили в бассейн, который находился в здании, и устраивали соревнования, кто быстрее проплывет круг; конечно, я выигрывал. Потом мы лежали на балконе Арьи, чтобы высохнуть, смотрели на небо, а наши волосы высветлялись из-за солнца и хлора, еще мы соревновались, у кого появлялось больше веснушек, в чем побеждала уже она.

И мы читали. Много читали.

Мы проводили несколько часов каждый день под дубовым столом в ее семейной библиотеке, пили холодный чай и боролись пальцами вытянутых ног на персидском ковре.

Этим летом мы прочитали «Волшебник страны Оз», «Остров сокровищ», «Изгой» и всю серию книг «Ужасистики». Мы зачитывались толстыми романами о шпионах, кое-как читали тома по истории и даже краснели из-за парочки поцелуев в книгах, из-за чего в унисон говорили, что прикасаться к кому-то было безумно противно.

Хотя, если быть честным, чем больше времени проходило, тем сильнее идея прикоснуться к Арье не казалась мне такой уж противной. Скорее даже наоборот, совсем не противной. Но, конечно, я не был настолько глуп, чтобы лишний раз размышлять об этом.

Нашу дружбу все-таки не удалось полностью скрыть. Несколько раз Конрад все-таки заметил нас, когда мы читали или смотрели фильм. Но думаю, что один очевидный факт,

который я понимал с самого начала, осознал и он. Арья была мне не по зубам, вне моего уровня. Ее красота, стойкость и утонченность приводили меня в ужас, из-за чего я практически не мог смотреть ей в глаза. Она была в полной безопасности от того, чтобы я воспользовался ею или совратил.

– Он не будет знать, что делать с возможностью, даже если твоя дочь предложит ему сама, – однажды я услышал, как мама Арьи сказала это, раздражительно фыркнув. Она думала, что мы с мамой уже ушли. Это был один из тех редких случаев, когда она была дома. Для меня было занятным то, что Беатрис знала, что могла бы предложить мне Арья, при этом даже ни разу не поговорив с дочерью за все лето.

Я прятался в тени за их гардеробной. Мама попросила меня красть здесь что-нибудь маленькое каждую неделю, чтобы она могла продать это. На этот раз родители Арьи зашли сюда до того, как я смог справиться с заданием. Я сжал ремень Gussі в кулаке, вспотев, когда отступил за платя, висевшие на другой стороне стены.

– Люди рано или поздно перерастают невинность. Он не один из нас, Би.

– Ох, Конрад. Тебе уже поздно становиться блюстителем нравов, не думаешь? Такое лицемерие. Удивительно, как я еще могу смотреть тебе в лицо? – металлический смех Беатрис слышался из их ванной.

– Милая, из нас двоих это ты блюстительница нравов, и ты слишком наивна. Все, что тебя волнует, это Аарон, мага-

зины и твои силиконовые подружки, половину из которых я поимел за твоей спиной, – ответил Конрад.

– Кто? – потребовала она, резко поворачиваясь к нему. Ее лицо вдруг изменилось. Она выглядела... Странно, постаревшей всего лишь за секунды.

– О, тебе не хочется знать, поверь, – настала очередь Конрада смеяться.

– Не играй со мной, Конрад, – снова сказала она.

– Игры – это единственное, что у меня осталось с тобой, Би.

Я так сильно сжал ремень, что пряжка расстегнулась и впилась прямо мне в кулак, из-за чего проступила кровь.

Мистер Рот даже не догадывался, что его жена, похожая лишь на фигурку тигрицы из картона, была права. Единственный раз, когда мы с Арьей невинно соприкоснулись, случился из-за нее самой.

Две недели назад мы забрались в кабинет мистера Рота, где он хранил кубинские сигары. Я хотел украсть одну и поделиться с моими друзьями в Хантс Пойнт, а Арья всегда была за маленькие шалости. Это было после полудня, делать было нечего, и пентхаус был пустой. Мы нашли кожаный футляр как раз тогда, когда мама вернулась из продуктового. Неожиданный звук открывающейся двери заставил Арию выронить футляр с громким звуком. Послышались шаги из коридора, раздаваясь громким эхом в моей голове, словно звуки стрельбы, когда мама пошла проверить, в чем дело.

Арья схватила меня за запястье и утянула на пол, под шкаф для документов, где мы были стиснуты под консолью, наши руки и ноги спутаны между собой, горячее дыхание перемешалось, запах фруктовой жвачки, замороженного напитка слаш и поцелуй, который никогда не мог случиться. Вдруг все запреты прикасаться к Арье обрели смысл.

Потому что необходимость прикоснуться к ней пробежала по всему моему телу, словно электрический ток, а внутри что-то заболело, и резко стало пусто.

Мама зашла в комнату. Из нашего укрытия мы видели лишь ее поношенные кеды, она повернулась на 360 градусов, осматривая кабинет.

– Мисс Арья? Николай? – настойчиво позвала она.

Мы молчали. Она жестко выругалась по-русски, топнув ногой по мраморному полу. Адреналин бежал по моим венам.

– Ваш отец будет очень недоволен, если узнает, что вы были здесь, – мама попыталась звучать авторитетно, но безуспешно. Я перевел взгляд на Арию. Ее тело сотрясало от смеха, из-за чего я прижал ладонь к ее рту, чтобы она перестала смеяться. Она высунула язык и лизнула меня между пальцев. Отголоски удовольствия пробежались по моей спине, одурманивая меня. Я сразу же отпустил ее, с трудом дыша.

Спустя пару минут мама наконец сдалась и ушла. Мы так и остались лежать, не двигаясь. Арья взяла меня за руку, по-

ложив мою ладонь себе на шею, улыбаясь так широко, из-за чего казалось, что ее лицо сейчас расколется пополам.

– Вау. Чувствуешь, как быстро у меня сердце бьется? – спросила она.

Вообще-то все, что я мог чувствовать, это необходимость поцеловать ее. Я чувствовал, как мое собственное сердце билось настолько сильно, норовя выпрыгнуть из груди, и как я больше не ощущал себя таким смелым рядом с ней.

– Да. – Я тяжело сглотнул. – Ты в порядке?

– Да. А ты? – спросила она, и я лишь кивнул.

– Спасибо, что спасла мою задницу, – сказал я.

– Что ж... Я все еще была должна тебе за тот случай, когда за нами гнались. – Она улыбалась так широко и искренне, из-за чего я понимал, что был на грани, на самом краю настоящей катастрофы.

– Арья?

– М-м-м? – Она все еще держала меня за руку.

Отпусти меня.

Но я не мог ей этого сказать.

Я не мог отказать ей ни в чем. Даже если это будет причиной моей гибели.

Вместо этого я держал руку на ее шее, пока путь к отступлению не освободился. Она ускользнула из нашего укрытия сама.

Это стало моей первой ошибкой из еще многих.

День с футляром из-под сигар изменил все.

Теперь мы все время были на краю пропасти, ведущей прямо к катастрофе, на самом краю бездны. Не потому что мне так сильно хотелось поцеловать ее. Я мог бы вечность прожить и не прикасаться к ней, даже если бы меня не очень привлекала идея. Но все дело было в том, что я совершенно ни в чем не мог ей отказать, из-за чего рано или поздно у меня возникли бы проблемы из-за нее.

Забавно, как ее родители переживали, что я испорчу ее. На самом деле стоило ей лишь взмахнуть безумными волосами, словно у Медузы, и я буду согласен на все, даже на убийство человека, только потому что она попросила.

Когда до конца летних каникул осталась пара дней, я снова подслушивал Ротов. В этот раз специально. Я переживал, что они не позволят провести следующее лето с Арьей. Мне хотелось узнать, в какую сторону дул ветер. На данном этапе Арья была единственной причиной счастья, которого я мог достичь, и я готов был пойти на маленькие глупости, чтобы

сохранить нашу дружбу.

Я спрятался в шкафу миссис Рот, пока она собиралась на какое-то мероприятие. Через щель между раздвижной дверью и стеной я наблюдал за мистером Ротом, который завязывал галстук перед зеркалом.

– Ты знаешь, что я застал его упаковывающим остатки, которые Руслана обычно выкидывает? Он забирает их домой без спроса. – Он перевернул галстук, затягивая узелок движением вверх. Я наблюдал за каждым его движением, стараясь запомнить. Летом я решил, что устроюсь на работу, где потребуется носить что-то, кроме спортивных штанов. – Конечно, я ничего не сказал. Можешь представить, что будет в новостях, если это когда-то всплывет? *Магнат хедж-фонда не позволяет мальчишке-бедняку забирать даже объедки.* Пфф! – фыркнул он.

– Какой кошмар. – Миссис Рот была в другой части комнаты, из-за чего я не мог видеть ее. Она не звучала заинтересованно. Она вообще никогда не была заинтересована в своем муже. Но Конрад все равно продолжил.

– Знаешь, что Руслана сказала? Она сказала, что по выходным он чистит обувь на углу около Нордстрема. Выводит их из бизнеса, запрашивая цену наполовину меньше. А в прошлом году, между прочим, он заполучил парочку поддельных Nike и продавал их в своей школе. Это мне не рассказали. Я нашел информацию уже сам, – проговорил мужчина.

– Ты следишь за ним? – сказала мисс Рот, фыркнув. Ей нравилось показывать ненависть к мужу при любой возможности. – Милый, у тебя, похоже, много свободного времени. Может, найдешь другую любовницу, чтобы она занимала тебя? О, и твоя одержимость дочерью тоже совершенно обескураживающая. Знаешь, я ведь тоже здесь, – закончила она.

Дело было плохо. Очень плохо. Мое следующее лето с Арьей было под угрозой. Теперь я собирался игнорировать Арию несколько дней, даже если это обидит ее. Даже если мне самому будет не по себе от этого.

– У этого парня такие амбиции, которые доведут его либо до списка Форбс, либо до тюрьмы. – Хмурое выражение лица Конрада ясно говорило, какое будущее он предпочитает для меня. И это будущее точно не было в одном ряду с Биллом Гейтсом и Майклом Деллом.

Миссис Рот промелькнула в щели гардеробной. Она схватила мужа за край галстука, потянув его на себя и немного придушив. Его губы оказались в опасной близости к ее, но она вовремя увернулась, с издевкой рассмеявшись. Он не сдержал стон разочарования.

– Чего бы он ни добился, это точно не будет касаться твоей дочери, – сказала миссис Рот.

– Нашей дочери, – поправил он.

– Правда ли? Такой ли нашей? – вслух размышляла Беатрис. – Ты ведешь себя так, будто она только твоя.

Она вдруг крепко поцеловала его, закрывая ему рот. Он

же сжал ее ягодицы. Я отвел взгляд.

Мне очень нравилась Арья, но я ненавижу ее родителей.

Глава 7

Арья

Настоящее

Стук каблучков моих Louboutins по дорожному мраморному полу приятно разносился эхом по всему холлу здания Ван Дер Хаут на Медисон-авеню. Холодная улыбка появилась у меня на лице, когда я подошла к стойке администратора.

– «Кромвель & Трауриг»? – Передав документы, я нетерпеливо постукивала по столу ноготком такого же красного цвета, как подошва моих туфель. Не верилось, что я тратила на это время.

Секретарша выдала мне пропуск для посетителя и вернула мои документы, которые я сразу кинула в сумочку.

– Они на тридцать третьем этаже, мэ. Вход разрешен только с контролем доступа. Пожалуйста, подождите, пока я найду кого-нибудь проводить вас, – сказала секретарша.

– Нет нужды кого-то звать вниз, Сэнд. Я сам иду туда, – глубокий и низкий баритон раздался за моей спиной, будоража все внутри меня.

– Привет, босс, – пропищала секретарша, чье профессиональное поведение начало таять, как мороженое на горячем асфальте. – Новый костюм? Серый – точно ваш цвет.

Любопытство и раздражение из-за неожиданного флирта заставило меня обернуться и столкнуться лицом к лицу с одним из самых привлекательных мужчин на всей планете Земля за все прошлое, настоящее и будущее. Он был прямо вылитым греческим богом, с ямочкой на подбородке и глазами такого же цвета, как яркие перья зимородка, в костюме от Armani. Он был словно ходячей капсулой идеального ДНК,

и если этого было недостаточно, то он мог затопить целое баскетбольное поле своим тестостероном. Я не знала, можно ли его назвать классическим красавцем. Его нос выглядел так, будто его вправили непрофессионально после перелома, а линия подбородка была слишком квадратной. Но от него исходили уверенность и деньги. Две формы криптонита¹⁰, которыми был перенасыщен поиск второй половинки в Манхэттене. Несмотря на это, я почувствовала, как мои щеки покраснели. Когда я в последний раз краснела? Наверное, лет в десять.

– Готовы увидеть Ван Дер Хаут изнутри? – Он говорил спокойно и выглядел невозмутимым.

– Я могла бы всю жизнь прожить без того, чтобы увидеть это здание изнутри, но судьба привела меня сюда, – ответила я.

– Привела она вас на определенный этаж? – Его хорошее настроение было непоколебимо.

– «Кромвель и Трауриг», – резко сказала я.

– С удовольствием. – Он ослепил меня белоснежной улыбкой. Типичный богатенький парень, которых я узнавала за много миль: сигары, гольф, ухмылочка под названием «папочка вытащит меня из всего».

Пока мы ждали лифт, я провела рукой по платью, ругая

¹⁰ Криптонит – вымышленное кристаллическое радиоактивное вещество, фигурирующее во вселенной DC Comics. Используется как метафора, обозначающая слабость/слабое место.

себя за то, что проверяла у случайного незнакомца, нет ли у него обручального кольца на пальце (кстати, не было). У меня было дело намного серьезнее этого. В основном из-за того, что я направлялась на первую и, надеюсь, последнюю встречу отца по его делу о сексуальном домогательстве.

Сексуальное домогательство! Что за бред! Папа был эмоциональным, но он бы никогда не тронул женщину. Он был беспощадным в своей работе, без сомнений, но он не был подлым типом, как тот же Харви Вайнштейн. Он не был и из тех, кто просовывал руку под юбку женщине или пялился на ее декольте. Я работала в фирменном блоке и могла разглядеть хищника до того, как тот открывал пасть, чтобы укусить. Папа не подходил ни под один критерий развращенного босса. Он никогда не был слишком милым, не пытался прорваться, используя очарование, и всегда держал руки при себе. Его сотрудницы обожали его, не скрывая этого, часто восхваляли его за преданность мне. В конце концов, он был крестным сына своей секретарши!

Горячий незнакомец и я вместе смотрели на красные цифры на экране лифта. Я постукивала ногой по полу.

Двадцать два, двадцать один, двадцать...

Был ли этот мужчина правда начальником той секретарши за стойкой? Тогда он был управляющим здания, если вообще не владельцем. Он выглядел молодо, где-то на тридцать лет, но при этом закаленным, с дерзким и невозмутимым видом человека, который знал, что делает. Унаследованное со-

стояние открывает новые возможности, я могла первая признаться в этом. И все же на всякий случай я решила спросить, не был ли он как-то связан с компанией «Кромвель & Трауриг».

– Вы партнер фирмы? – спросила я, не веря, что Аманда могла нанять юриста.

– Нет. – Его слегка изогнутая усмешка стала больше.

– Хорошо, – облегченно выдохнула я.

– Почему?

– Терпеть не могу адвокатов.

– Я тоже. – Он кинул быстрый взгляд на часы от фирмы Patek Philippe.

Между нами воцарилась тишина. Он не казался совершенно незнакомым или что-то вроде того. Стоя рядом с ним, я могла поклясться, что мое тело узнало его.

– Ужасная погода, – прокомментировала я. Дождь шел без остановки уже третий день.

– Вроде бы Стейнбек назвал климат в Нью-Йорке настоящим скандалом. Впервые в городе? – Он говорил с каким-то весельем, но все равно я не могла до конца разобрать его. Мои инстинкты говорили быть на страже. Мои внутренности же попросили их заткнуться.

– Если бы. – Я поправила волосы, заколотые на затылке, проверяя, не выбились ли некоторые пряди, и продолжила: – Казалось бы, к этому можно привыкнуть за столько лет, но нет.

– Не думали переехать?

– У моих родителей здесь бизнес, – я отрицательно качнула головой. Здесь же был и Аарон. До сих пор я навещала брата слишком часто, в чем мне было тяжело признаться. – А вы?

– Живу здесь всю свою жизнь.

– Окончательный вердикт?

– Нью-Йорк как непостоянный любовник. Ты знаешь, что заслуживаешь большего, но все равно остаешься здесь.

– Всегда можно уехать, – заметила я.

– Можно, – он поправил темно-бордовый галстук, – но я не люблю проигрывать.

– Я тоже.

Лифт остановился и открыл двери с характерным звуком. Мужчина отошел в сторону, пропуская меня и жестом приглашая выйти. Я так и сделала. Он провел электронным ключом по экрану и нажал на тридцать третий этаж. Мы оба смотрели на хромированные двери, наше искаженное отражение мерцало в ответ.

– Пришли на консультацию? – спросил он. Я чувствовала, что находилась под его пристальным вниманием, но также знала, что он не флиртовал со мной.

– Не совсем. – Я посмотрела на свои красные ногти. – Я здесь в качестве консультанта по связям с общественностью.

– И какой пожар вы тушите на этот раз?

– Полыхающее здание. Урегулирование дела по сексуаль-

ному домогательству, – ответила я. Он убрал телефон в карман и расстегнул свой бушлат.

– Знаете, что обычно говорят о разрушительных пожарах?

– Возьмите шланги побольше и все получится? – Я изогнула бровь.

Он еще больше усмехнулся. Я почувствовала, что мои бедра были согласны продаться этому мужчине и убежать с ним в Париж. Обычно я выбирала парней так же тщательно, как одежду утром, и всегда выбор падал на галантный среднестатистический тип. То есть на тех, с кем не будет никакой драмы. Но этот парень? Он выглядел как пиньята, полная сумасшедших бывших, с фетишами богатенького парня и проблемами с мамочкой.

– Острый язык. – Он бегло, но внимательно осмотрел меня.

– Вы еще не видели мои коготки. – Я похлопала ресницами. – Все пройдет быстро и безболезненно.

– Так ли это? – Мужчина обернулся и посмотрел на меня. Его бирюзовые глаза похолодели, становясь похожими на замерзшее озеро. В этом взгляде все-таки было что-то, напоминающее мне саму себя. Упрямство, рожденное из-за горького разочарования во всем мире.

– Я не позволю превратить это все в медийный цирк. Слишком многое стоит на кону. – Я немного выпрямилась.

Не могло быть такого, чтобы Аманда Гиспен и вправду верила, что у нее что-то было на моего отца. Очевидно, ей

нужны были его деньги. Мы собирались отослать ее подальше с солидным чеком и с жесткими условиями о неразглашении, после чего все сделаем вид, что всего этого никогда не было. Папа не был виноват, что нанял кого-то, кто после увольнения решит пойти по такой дорожке. Главное сейчас было свести все к минимальной огласке. К счастью, адвокат Гиспен, этот Кристиан Миллер, не привлек внимания к судебному процессу. Пока что. Без сомнения, очень просчитанный ход с его стороны.

– Извините. – Его улыбка из приятной превратилась в понастоящему холодную. Только тогда я заметила, что у него были заостренные зубы, два верхних зуба слегка заходили друг на друга. Маленькое несовершенство, которое только больше подчеркивало другие его идеальные черты. – Не помню, чтобы мы представились.

– Арья Рот. – Я повернулась к нему, вставая так, чтобы моя грудь была более заметна. Мое тело чуть ли не звенело, предупреждая об опасности. – А вы?

– Кристиан Миллер. – Он протянул мне руку, уверенно пожав ее. – Рад встрече с вами, мисс Рот.

У меня буквально выбили воздух из легких. Я сразу узнаю катастрофу, когда вижу, и сейчас, видя хитрую ухмылку Кристиана, поняла, что меня обвели вокруг пальца. Только один из нас был удивлен разоблачением наших имен, и этим одним стала я. Он уже был хозяином положения, как только я подошла к стойке десять минут назад. И я так невероятно

глупо попалась в эту ловушку, показала ему свои карты!

– Секретарша назвала вас боссом, – к счастью, мой голос звучал спокойно и невозмутимо.

– Сэнди любит прозвища. Очаровательно, да?

– Вы сказали, что вы не партнер фирмы, – продолжила я.

Он пожал плечами, как бы говоря: «И что ты сделаешь?»

– Вы солгали? – надавила я.

– Почему же, это было бы очень нечестно. Я старший юрист.

– Значит, вы...

– Адвокат мисс Гиспен, верно, – закончил за меня Кристиан, сняв бушлат и выставляя серый дорогой строгий костюм на всеобщее обозрение.

Двери лифта открылись как по расписанию. Кристиан пропустил меня вперед, его манеры были безупречны, его ухмылка невыносима. Было удивительно и странно, как он из потенциального отца моих гипотетических детей превратился в огромного плохого волка за каких-то шестьдесят секунд!

– Третья дверь направо, мисс Рот. Я буду буквально через минуту, – проговорил он.

– Жду с нетерпением, – ответила я, сладко улыбнувшись.

Я позволила ногам нести меня к нужной двери, не собираясь оборачиваться и стараясь собрать все мысли в кучу. Все это время я чувствовала покалывающий спину и затылок взгляд Кристиана. Он смотрел коварно, оценивающе и

с расчетом.

Этот мужчина воспользуется любой моей слабостью, которая откроется ему, я точно знала это.

Один-ноль в пользу команды соперника.

– Спасибо большое, что нашла время быть здесь, милая. Я знаю, как ты занята, и я... Что ж, мне неловко. – Папа сжал мою руку, когда я села позади него. Мы сидели за овальным столом в комнате для переговоров компании «Кромвель & Трауриг». То, что Аманда Гиспен была настроена решительно, сказал мне интерьер комнаты: подвесные потолки, парадные лестницы, итальянский мрамор со вставками розового золота и держатели для ручек, изготовленные из латуни. Наверное, она продала парочку внутренних органов, чтобы ее представлял сам мистер Миллер.

– Не глупи, папа. – Я погладила его ладонь большим пальцем. – Через пару часов мы забудем об этом, как о страшном сне, и вернемся к обычной жизни. Это ужасно, что тебе приходится разбираться с этим, – проговорила я.

– Это часть работы, – вздохнул он.

Теренс и Луи, папины адвокаты, сидели по правую сторону от него. Они уже что-то записывали в блокноты. Адвокаты оживленно переговаривались друг с другом, не обращая на нас внимания. Когда все только началось, они объяснили, что жалоба против моего отца была подана через КСРТ. Видимо, это посредничество было частью согласительной про-

цедуры комиссии.

Посредником была суровая женщина с седыми волосами, одетая в черное платье с круглым воротником. Она печатала что-то на своем ноутбуке, уже ожидая истца и ее команду.

Миниатюрная привлекательная женщина в вязаном бежевом платье неторопливо зашла в комнату, прижимая к себе планшет и клипбординг, вместе с ней был ассистент, который балансировал подносом с напитками. Модная блондинка представилась Клэр Лесавой, младшим юристом. Кстати, она полностью игнорировала мое существование. Похоже, Кристиан пока не ввел ее в детали моей оговорки. Стало интересно, вводил ли он в нее еще что-нибудь, и я возненавидела себя за подобные мысли. Он был придурком. Пусть достается весь ей.

– Почему так долго? – Теренс, чье лицо было похоже на морду броненосца, смотрел на Клэр так, будто она лично была виновата в задержке. – Ваш клиент опаздывает на тридцать пять минут.

– Полагаю, мистер Миллер решает последние вопросы с мисс Гиспен перед встречей. Это не должно занять много времени. – Клэр ослепительно улыбнулась, явно наслаждаясь раздражительностью Теренса. Она села перед нами. Посмотрев на нее ближе, я поняла, что Кристиана наверняка связывало с ней нечто большее, чем рабочие отношения. Она была словно модель с обложки журнала.

Кристиан и Аманда зашли спустя пятнадцать минут. К

этому времени встреча задерживалась уже почти на час. Я посмотрела на время на экране телефона. У нас с Джиллиан была назначена встреча с потенциальным клиентом в Бруклине меньше чем через два часа. С дождем и пробками я никак не успею вовремя.

– Извиняюсь за задержку. Мне и мисс Гиспен нужно было еще раз пройтись по предварительным заявлениям. – Ухмылка Кристиана была поразительной, такой естественной, даже слишком.

Не было никаких сомнений, что этот мужчина нуждался в долгом и серьезном психологическом лечении. Кто еще так наслаждался бы делом о сексуальном домогательстве? Даже поддельным делом? Юрист, вот кто. Отец предупреждал меня о них. При возможности избегать адвокатов, не психопатов, хотя и их тоже следует. Как человек, которому приходилось разбираться с адвокатами всю его жизнь, отец рассказывал о них лишь плохое. Конрад Рот придерживался мнения, что между юристом и преступниками была тонкая грань в виде возможности и стипендии. Он терпеть не мог адвокатов. Теперь я начала понимать причину.

– Все в порядке, Кристиан, мой дорогой. – Посредник с теплотой похлопала его по руке. Вот черт. У него уже было преимущество в том, что его любили и уважали. Аманда Гиспен и Клэр Лесавой тоже смотрели на него с нескрываемым обожанием.

Кристиан сел прямо напротив меня. Я же смотрела на

Аманду, которую знала всю свою жизнь. Моргая в неверии, я пыталась сопоставить образы женщины, с которой я выросла, и той, которая сейчас сидела напротив. Было сложно поверить, что это она делилась со мной печеньем, если я пряталась у нее за столом, когда папа брал меня с собой на работу. Она была той, кто дала мне книгу о сексуальном просвещении, когда мне было двенадцать, ведь моя мама относилась к проявлению моей сексуальности так, будто это несуществующий единорог из сказок. И это она же сейчас сидела здесь и требовала от отца денег за то, чего он не делал.

Посредник начала с короткой презентации того, что можно ожидать в течение слушания. Я по возможности смотрела на папу, который выглядел бледным и больным. Из него всегда плескалась энергия. Мучительно было видеть его в таком состоянии. Когда нам впервые позвонили и сказали, что Аманда обратилась в суд, реакция моей матери была странной, если можно так сказать. Я ожидала хлопанье дверьми, крики, целую театральную постановку. Но вместо этого она приняла новости спокойно и смиренно. Она отказалась дальше обсуждать проблему и, конечно же, забронировала отель на Багамах, чтобы сбежать от всего. Она никогда не была настоящей женой для него или матерью для меня.

Отец нуждался во мне. Больше, чем когда-либо.

Я взяла его за руку под столом и сжала.

– Я с тобой, – шепнула я.

Когда я подняла глаза, то заметила, что Кристиан наблю-

дал за нашими тихими переговорами, а его челюсть ходила ходуном.

В чем, черт возьми, его проблема теперь?

Посредник закончила объяснения о проце-дуре.

– Запишем, что мы совсем не впечатлены вашими играми с разумом, то есть опозданием на целый час. – Луи что-то написал на полях документа, лежащего перед ним, обращаясь к Кристиану.

– Запишем, что плевать я хотел, что вы думаете обо мне, – ответил Кристиан, после чего все в комнате одновременно посмотрели на него.

У папы отвисла челюсть. Аманда повернулась, смотря на Кристиана, ее лицо выражало настоящий ужас. Даже Клэр немного побледнела.

– А теперь позвольте нам продолжить, – снова сказал Кристиан, похоже, совершенно не замечая реакцию остальных и удобнее устраиваясь в своем кресле.

Каждая из сторон выступила со своими показаниями. Посредник объяснил, что сейчас мы собираемся предложить решить все мирным путем и обсудим все еще раз по отдельности в разных комнатах. Папа сказал, что он не будет опровергать жалобу Аманды по совету его юристов. Луи и Теренс считали, что это лишь позволит Аманде ударить сильнее. Мне не нравилось все это, но я так же ничего не знала о делах по сексуальным домогательствам и просто хотела покончить с этим. Со стороны пиара я знала, что сделать

справедливый выбор или правильный не всегда одно и то же. Правильным было бы заставить это все исчезнуть по-тихому, даже если тебе придется наступить на горло своей гордости и заплатить такой мошенице, как Аманда.

Через час стало очевидно, что я не смогу приехать на встречу к Джиллиан. Любая возможная цифра, которую Луи и Теренс предлагали посреднику, была мгновенно отвергнута мрачным Кристианом Миллером еще до того, как он и его клиент обсудили бы это наедине. Спина папы была уже изогнута, как у креветки. Он качал головой и закрывал глаза, не веря в происходящее. Мы никуда не продвинулись за все это время.

– Я ничего не понимаю, – сказал мне папа, бледный, словно призрак. – Чего она добивается? Если мы будем судиться, то все пострадают. Она должна понимать это.

– Не волнуйся, папа. Она знает правду. Она не пойдет в суд. – Я погладила его по руке, но он не выглядел уверенным.

Я осторожно взяла телефон под столом и написала Джиллиан, что не смогу приехать на встречу в Бруклине. Моя лучшая подруга ответила мгновенно:

Не волнуйся об этом. Удачи Конраду.
Держи меня в курсе! Целую.

– Мы вас утомляем, мисс Рот? – вдруг протянул Кристиан. Я чуть ли не подпрыгнула на месте и ударила коленкой

об стол. Мысленно я закричала от боли. Внешне я ухмыльнулась.

– Как хорошо, что вы спросили, мистер Миллер. На самом деле да. Утомляете меня особенно вы, – ответила я.

Он подстерегал меня с того момента, как я зашла в здание Ван Дер Хаут. Я понимала, что это всего лишь бизнес. И что от Аманды Гиспен он получал целое состояние, которое ему нужно было как-то оправдать. Но не за моей спиной.

– Мои извинения. Мисс Лесавой, могли бы вы принести мисс Рот копию журнала Us Weekly? Возможно, ей понравится хорошая литература, – проговорил он, щелкнув костяшками пальцев и не сводя с меня взгляда. Я скрестила руки на груди, так же прямо смотря на него.

– Принесите Enquirer, мисс Лесавой. И можно еще что-то вроде аудиоверсии? Я не очень хорошо разбираюсь в буквах, – проговорила я, стараясь изобразить самый тупой и легкомысленный тон, который могла.

– Может, вы двое сможете продолжить словесную перепалку после того, как мы закончим переговоры, – недовольно сказал мне Луи.

– Адвокат, я...

– Положите телефон на стол, мисс Рот, – чуть ли не рявкнул на меня Кристиан после Луи, его глаза впились в мои с открытой ненавистью.

Да что, в конце концов, не так с этим человеком?

Теперь папа повернул голову в мою сторону и смотрел на

меня.

– Извините, мистер Миллер, но когда вы успели стать моим боссом? – Высокомерная улыбка тронула мои губы.

– Арья, – в шоке прошипел отец. – Пожалуйста.

– Предлагаю вам послушаться папочку и положить телефон на стол. Мое время стоит денег, – сказал Кристиан, а глаза сузились.

– Раздражать вас стоит того, – парировала я и продолжила: – Я даже добавлю иностранную валюту и пару биткойнов, если это заставит тебя страдать, – ответила я.

– Ты не изменилась. – Кристиан не сдержал легкий смешок.

– Что, простите? – Я замерла. Его улыбка мгновенно исчезла.

– Я сказал, вам бы измениться.

– Вы не это сказали. У меня есть уши.

– А еще рот. И, кажется, это орган, который вам нужно научиться контролировать.

– Кто воспитал вас? – Мне не нужно было видеть себя, чтобы знать, как расширились мои глаза от возмущения.

– Никто, мисс Рот. Вам интересно послушать историю моей жизни? – Он отбросил в сторону документы, лежавшие перед ним.

– Только если у истории жестокий и трагичный конец, – снова парировала я.

Что ж, все пошло по наклонной слишком быстро.

– Милая, что на тебя нашло? – Папа положил руку на мое запястье, его глаза умоляли меня остановиться.

Наконец я положила телефон на стол, мне стало как-то не по себе. Я не могла отвести взгляд от Кристиана. В его голубых глазах будто сверкали молнии, было в этом что-то пугающее.

Переговоры продолжались еще двадцать минут, во время которых я старалась смиренно молчать. Каждый раз, когда мы думали, что подошли к соглашению, в итоге упирались в тупик.

– Мистер Миллер, я не понимаю. Ваша репутация говорит, что вы улаживаете дела вне зала суда, но сейчас вы отказываетесь от любого нашего предложения, – наконец проговорил Теренс, вытирая вспотевший лоб.

– Потому что я думаю, что этому делу стоит пойти в суд. – Кристиан откинулся в кресле, поправляя темно-бордовый галстук, который, к сожалению, идеально сочетался с его бледно-серым костюмом. Что ж, похоже, дьявол и правда носит Prada¹¹.

– Тогда зачем вы пригласили нас сюда? – Нижняя губа Луи дрожала от злости.

– Я хотел проверить обстановку. – Кристиан внимательно рассматривал свои идеальные квадратные ногти. Он выглядел так, будто был избалованным вредным принцем, которому до смерти было скучно.

¹¹ Отсылка к фильму и книге «Дьявол носит Prada».

– Вы не можете всерьез хотеть перенести это дело в суд! Будет настоящий цирк... – не выдержал мой отец впервые с того момента, как началась встреча.

– Проверить обстановку? – одновременно с ним прошипел Теренс.

– Я очень даже люблю цирк. – Кристиан поднялся со своего места, застегивая пиджак, который, без сомнения, был от Prada. Клэр и Аманда последовали за ним, вставая по обе стороны, как в верном гареме. – Красочный. Полный развлечений. Сладкий попкорн и сахарная вата. Как можно не любить цирк?

– Никому из нас не нужно внимание СМИ, – резко ответил папа. Кончики его ушей покраснели, все лицо покрывала испарина. Я же сдерживала себя как могла, зная, что сейчас должна сохранять хладнокровие и спокойствие.

– Говорите за себя, мистер Рот. Мне лично нравится, когда на меня обращают внимание, – сказал Кристиан.

– Это может помешать и подвергнуть риску карьеры всех нас, – теперь предупредил Теренс.

– Наоборот, мистер Рипп. В результате моя карьера будет процветать. На самом деле думаю, что благодаря этому делу я получу долгожданное повышение, – честно ответил Кристиан, после чего они с Амандой просто ушли.

Клэр и посредник остались, чтобы переговорить с отцом и его адвокатами. Я же не могла себя больше сдерживать и встала, выбегая в коридор, чтобы догнать Кристиана. Он шел

с Амандой мимо его кабинета. Когда Кристиан заметил меня, то попросил ее подождать его внутри, а сам остановился, прислонясь к стене и засунув кулаки в карманы брюк.

– Уже соскучилась? – невинно спросил он.

– Почему вы делаете это? – Я резко остановилась перед ним. Эмоции были на пределе, как раскаленные провода, во мне бушевала и ненависть, гнев и желание. Этот мужчина вывел меня из равновесия, чего не могли сделать даже мои двенадцатисантиметровые шпильки. На мой вопрос он картинно поджал губы, делая вид, что размышляет об этом.

– Давайте подумаем. Может, потому, что я собираюсь стать еще более богатым и более востребованным в своем деле благодаря бесхребетности вашего отца? – спросил он, а после недолгой паузы добавил: – Да, должно быть, в этом все дело.

– Я ненавижу вас, – прошипела я, все мое тело гудело от злости, я крепко сжимала кулаки по обе стороны от себя.

– Вы начинаете надоедать.

– Вы мерзкий мужчина.

– Ах, я, по крайней мере, мужчина. Ваш же отец – слабак, который не может держать свои руки при себе, а теперь должен страдать от последствий. Дерьмово, когда деньги не могут решить все твои проблемы, да? – проговорил он.

– Мистер Миллер, хотя бы ради приличия не притворяйтесь, будто сами удачно не родились в семье с привилегиями, – я не сдержала нечто среднее между смешком и рычанием.

ем. После моих слов что-то промелькнуло на его лице. Всего лишь на мгновение, но что-то изменилось. Я бы сказала, что задела его за живое, но сомневаюсь, что в нем было хоть что-то настоящее.

– У вас есть ноги, мисс Рот?

– Вы знаете, что да. Вы успели заметить это, когда пялились на них в лифте.

– Предлагаю вам использовать их по назначению и прогуляться, пока охрана не вывела вас. Тогда единственным разрушительным пожаром, который вам нужно будет потушить, станет ваша карьера.

– Это еще не конец, – предупредила я, по большей части потому, что это обычно звучало круто в фильмах.

– Полностью согласен и советую убираться к черту подальше от всего этого, пока оно не настигнет вас, – ответил он, а потом мерзавец захлопнул дверь в свой кабинет прямо перед моим носом.

Ошеломленная, я вернулась обратно в переговорную. Но когда я пришла, то папа и его адвокаты уже ушли.

– Извините, мисс Рот. Здесь назначена другая встреча через двадцать минут. – Клэр ядовито улыбнулась мне, собирая документы. – Я сказала, что вас могут подождать внизу, в лобби. Ничего страшного?

– Вовсе нет. – Я улыбнулась в ответ так же натянуто, как и она мне. После я направилась прямо к лифту с высоко поднятой головой и застывшей улыбкой.

Кристиан Миллер пойдет ко дну, и если это будет последним, что я сделаю, так это сама утяну его прямо в бездну ада.

– Они в деле. Мы нравимся им больше, чем Оскар любит Салли Филд, – уже вечером радостно объявила Джиллиан. Она кинула подписанный контракт на мою кровать и исполнила быстрый победный танец.

Я закуталась в пуховое одеяло в попытках спрятаться от всего мира после ужасного дня в компании «Кромвель & Трауриг». Я невольно представила папу, стоящего в суде, похожего на мятые листы бумаги, из-за чего меня сразу затошнило.

Жизнь моей семьи всегда была тяжелой. Я потеряла брата-близнеца еще до того, как успела узнать его. Детские воспоминания о матери были наполнены посещениями реабилитационного центра, ее пропусками дней рождения, выпускных и вообще всех важных событий в моей жизни. Толь-

ко папа был постоянным звеном во все времена. Единственный человек, на которого я могла положиться, который не отмахнется деньгами. Мне хотелось кричать от понимания, что его ждет нервный и тяжелый судебный процесс.

– Алло. Арья? Ари? – Моя подруга погладила меня по спине, стоя рядом и смотря на меня. – Ты чем-то заболела?

Я тяжело вздохнула, откидывая одеяло до живота и поворачиваясь к ней лицом. Джиллиан ахнула, прикрывая рот рукой.

– Ты плакала? – спросила она.

Я села на кровати, прислоняясь спиной к изголовью. Глаза были размером с теннисный мячик, но думаю, что весь запас энергии и сил на слезы у меня иссяк пару проклятых часов назад.

– Аллергия, – пробормотала я.

Аккуратные брови Джиллиан нахмурились. У нее была идеальная кожа, фигура, как на фото семьи Кардашьян после фотошопа, кудрявые черные волосы и глаза цвета ириски. А платье из лилового твида было одолжено из моего гардероба.

– Что сказали клиенты? – спросила я, шмыгнув носом.

Мы с Джиллиан открыли Brand Brigade, нашу собственную консалтинговую фирму по СМИ, когда вместе были на перепутье. Джиллиан работала на некоммерческую компанию как пиар-менеджер и терпела общество придурков как внутри офиса, так и вне, из-за чего ее жизнь была невыносима, а парень ревнив. Я же в это время прошла через две

политические кампании, которые закончились скандалом и развалом, тогда я работала сорок часов в неделю и получала копейки.

Наконец я и Джиллиан решили, что с нас достаточно и мы заслуживаем большего. Прошло четыре года, и мы никогда не жалели о сделанном выборе. Бизнес процветал, я гордилась собой, тем, что могу сама себя содержать, даже если для матери это выглядело актом неповиновения.

Сейчас я занималась тем, что получалось у меня лучше всего, а именно – решала проблемы людей, в которые они сами же себя и втянули. Ведь, по словам Джиллиан, в этом мире мы могли надеяться лишь на две вещи: налоги, которые обычно взимались 15 апреля, и людей, у которых был невероятный талант совершать ошибки.

– Они сказали, что мы наняты и что им очень понравилась презентация выставки «Реальные тела», которую ты сделала для Swan Soaps¹², – Джиллиан улеглась рядом со мной, забирая себе одну из моих подушек и обнимая ее, и продолжила свой доклад: – Они хотят трехмесячный пробный запуск, но подписали контракт и внесли предоплату. Завтра они внимательно прочитают его. Это огромная возможность, Ари. Stuffed – самая крупная компания в мире по производству многоразовых подгузников.

¹² Swan – торговая марка мыла, представленная компанией Lever Brothers в 1941 году, чтобы составить конкуренцию Ivory. Лебедь, возможно, рекламировался как мыло, которое можно использовать на кухне в качестве мыла для рук или в ванной, чтобы купать ребенка.

Я радовалась и восторгалась, что Джиллиан смогла заполучить этого клиента. Но мои мысли были очень далеки от работы. До сих пор я не могла перестать думать о мраморном поле в офисе Кристиана Миллера.

– Может, расскажешь, что случилось? Мы ведь обе знаем, что аллергия была всего лишь предлогом, чтобы я рассказала о сделке. – Джиллиан легонько толкнула меня плечом.

Не было смысла скрывать что-то от нее. У нее были инстинкты настоящего агента ФБР и навык предвидеть проблему задолго до того, как та появится на горизонте.

– Дело папы пойдет в суд, – призналась я.

– Ты шутишь? – Она слегка отстранилась в удивлении, а рот открылся в форме «О».

– Если бы я шутила...

– Ох, дорогая. – Джиллиан скатилась с моей кровати и вернулась уже с двумя бокалами красного вина. Она скинула свои туфли и оставила их в коридоре, после чего сказала: – Пообещай мне, что не будешь все время прокручивать это в мыслях. У них ничего нет на твоего отца. Ты сама так говорила. Мы возьмемся за пиар в этом деле и сделаем все, чтобы он выглядел как папа-ангел Конрад, какой он и есть, – проговорила она, протягивая мне бокал, который был полон до краев.

Я сделала первый глоток, смотря в стену напротив.

– Не лучше было бы посмотреть на это внимательнее? – пробормотала я, больше говоря с самой собой. – То есть,

если абстрагироваться от мыслей, что этот человек мой папа, обвинения против него довольно противные, – сказала я. Джиллиан на это резко замотала головой.

– Алло, я выросла с тобой, помнишь? Я каждый день приходила к тебе домой со средней школы. Я знаю Конрада. Этот человек водит тебя каждый месяц в Клойстерс, тот, кто отправил свою секретаршу в годовой оплачиваемый отпуск. И? Кому какое дело, что говорит Аманда Гиспен?

Мне же хотелось впитать каждое слово, которое произнесла Джиллиан, чтобы ее убедительная речь отпечаталась внутри меня.

– Если Аманда врет, то зачем доводить дело до суда? – Я решила поиграть в адвоката дьявола.

– Потому что он ее уволил? Потому что у них могла быть интрижка и он все прекратил? – предположила Джиллиан и снова заговорила: – Может быть миллион причин. Люди преувеличивают драму постоянно. Аманда может сказать все, что взбредет в голову.

– Даже после клятвы? – Я снова сделала глоток из бокала. – Она может сесть в тюрьму, если выяснится, что она врал.

– Она может, но маловероятно. Я просто не вижу, как это может вылиться во что-то серьезное, Ари. – Она улыбнулась мне, пытаясь успокоить, и добавила: – С ним все будет в порядке.

Я прикусила губу, мои мысли скакали туда-сюда от нена-

видящего взгляда Кристиана к папиному выражению лица – полному боли, позора и непонимания.

– Интересный факт. Я терпеть не могу адвоката, которого наняла Аманда Гиспен, – призналась я.

– Адвокаты так-то и не считаются самыми добрыми существами в мире. – Джиллиан посмотрела на меня взглядом, говорящим: «Тебе ли не знать это лучше всех».

– Да, но этот... В десять раз хуже остальных, Джилли, – проговорила я.

– Кто он? – Джиллиан стукнула своими пальцами ног мои под одеялом, так как делал Ники, когда мы были детьми и читали книги под столом в библиотеке. Задумчивая улыбка невольно появилась на моем лице.

Ох, Ники.

Я вспомнила день, когда позвонила личному следователю папы и попросила найти Ники. Просто проверить, в порядке ли он. Это было первое, что я сделала, когда мне исполнилось восемнадцать. Я заплатила собственные деньги, которые заработала на продаже туристических принадлежностей летом.

Николай мертв, Арья.

Осознание пришло после отрицания, злости, слез и небольшого нервного срыва. Так сказать, для полноты ощущения. Следователь объяснил мне, что этого и следовало ожидать по всем законам природы. Николай был из тех детей, которые не выживали в системе и в конце концов лома-

лись. Возможно, он умер от передозировки, или в драке, или в аварии из-за вождения в пьяном виде. Но я достаточно хорошо знала Николая, и он не был тем фриком, от которого можно было ожидать только плохое. Было сложно поверить, что мы с ним больше не делим одно голубое небо над головой.

– Просто самый ужасный человек на планете. – Я тяжело выдохнула в бокал.

– Есть у самого ужасного человека на планете имя? – продолжила допрос Джиллиан.

– Самое обыкновенное, – я фыркнула и все-таки ответила: – Кристиан Миллер. Или то, как мне нравится его называть – воплощение Люцифера.

– Повтори? – После моих слов Джиллиан вдруг не сдержала смеха, обрызгав красным вином мое одеяло и твидовое платье.

– Мне больше нравится называть его Люц... – начала я, но она перебила меня.

– Да-да, это я поняла. Как его зовут? – снова спросила она.

– Кристиан Миллер, – недовольно повторила я. – Кстати, спасибо, что испачкала мои простыни из египетского хлопка. Ты настоящая подруга, – заметила я. Джиллиан поднялась и ушла в гостиную. Она принесла глянцевого журнала, который я не узнала, ведь вопреки мнению Кристиана я вообще не читала никакие модные журналы (не то чтобы с ними было что-то не так).

Она быстро листала страницы, пока не нашла то, что искала, и победно потрясла журналом перед моим лицом. Я узнала Кристиана своими опухшими глазами, он смотрел в камеру, был в идеальном костюме, с волосами в творческом сексуальном беспорядке и с ухмылкой, обещающей хорошее времяпровождение и тяжелое расставание.

– На что я смотрю? – спросила я, как будто моя способность использовать зрение резко испарилась за пять секунд.

– Прочитай заголовок, – сказала Джиллиан.

– Раскрыты самые желанные женихи Нью-Йорка до тридцати пяти, – прочитала я. Отлично! Мало того что он был богатым красавчиком, который безумно хотел разрушить мою семью, так еще и половина города была в него влюблена! Я пробежалась по деталям:

Имя: Кристиан Джордж Миллер.

Возраст: 32 года.

Вид деятельности: судебный исполнитель в компании «Кромвель & Трауриг».

Чистый заработок: 4 миллиона долларов.

Рост: 188 сантиметров.

Женщина мечты: Будет ли политкорректно сказать, что я предпочитаю блондинок? Глубокие карие глаза. Высокая и длинноногая. Научная степень в качестве приятного бонуса. Кто-то серьезный, требовательный. Лю-

бит вечеринки, хорошее вино и риск в жизни.

Я прижала стакан к груди, чувствуя личную обиду. Его женщина мечты была полной моей противоположностью. Он будто придумал ее, специально перечисляя качества, которые были мне не свойственны.

Спокойно, Ари. Он не пытался задеть тебя. Он даже не знал о твоём существовании шесть часов назад.

– Знаю, мы должны ненавидеть его, но раз он проиграет в деле и получит лишь немного денег, может, скажешь мне, он такой же красивый в жизни, как на фотке? – Джиллиан удобнее улеглась у меня на кровати.

К сожалению, в жизни он выглядел еще лучше. Конечно, я не была настолько доброй, чтобы признаться в этом.

– Он ужасен. До тошноты. – Я швырнула журнал в мусорное ведро рядом, не удивляясь, что лицо Кристиана продолжало ухмыляться мне даже с края ведра. Этот человек теперь будет преследовать меня всю мою жизнь и, вполне возможно, даже в следующих четырех, если реинкарнация все же возможна.

– Это все фотошоп. Он что-то между чудовищем и Ричардом Рамиресом, – добавила я.

– Но Ричард Рамирес мертв уже несколько лет.

– Вот именно, – проговорила я, на что Джиллиан прикусила губу, явно не веря мне.

– Тогда... Плевать на него, даже если он выглядит как бог.

Раз его цель – твоя семья, то он и мой враг тоже! – наконец сказала подруга.

– Спасибо. – Я снова глубоко вздохнула, чувствуя облегчение после заключения союза. По крайней мере, я лишила Кристиана Миллера возможности встречаться с одной из лучших девушек Манхэттена. Джилли была настоящим сокровищем.

– Просто на всякий случай... Значит ли это, что я могу найти его номер на LinkedIn?¹³ – пошутила Джиллиан.

– Предательница. – Я стукнула лучшую подругу по плечу.

¹³ LinkedIn – социальная сеть для поиска и установления деловых контактов.

Глава 8

Арья

Прошлое

Он пришел.

Наконец-то.

Я могла догадаться по шагам. То, как они шуршали по мраморному полу: размеренно, четко и уверенно. Его поддельные кроссовки касались пола. Я закрыла глаза, прячась за книжной полкой в библиотеке, от волнения дыхания не хватало, будто бабочка порхала в груди.

Десять месяцев. Прошли долгие десять месяцев. Найди меня.

Волна предвкушения пробежалась по всему моему телу. Я никогда еще этого не делала, никогда так не пряталась от Николая. Как сильно бы мне ни хотелось ждать его у дверей, словно верный щенок, со всеми книгами и историями, которыми хотелось поделиться, я не стала этого делать. Хотелось преобразиться за эти летние каникулы, стать загадочной, соблазнительной и все остальное, о чем я читала в книгах, где за героинь нужно было бороться.

Я была в библиотеке, сжимая в руках книгу в черно-белой мягкой обложке, «Искушение» Иэна Макьюэна, стоя в мятно-зеленой атласной свободной рубашке. Я прочитала роман в феврале, когда украла книгу из школьной библиотеки, просто чтобы почувствовать, как это – взять то, что не было моим. И после мне не терпелось рассказать Ники об этом. Несмотря на то что мы жили в одном городе, казалось, что мы в параллельных вселенных. Наши миры никак не соприкасались, жизни вращались вокруг разных школ, людей и событий. Только во время летних каникул мы сталкивались.

Тогда вселенная преображалась и становилась ярче.

Несколько раз в течение года мне безумно хотелось отправить ему письмо или сообщение, или даже взять телефон и позвонить. Каждый раз я отговаривала и останавливала себя. Он никогда не пытался связаться со мной в перерывах между летом – так почему я должна? Может, для него мы были просто убогой версией летнего лагеря, а не чем-то особенным. Может, мы даже не были друзьями, а просто двумя детьми, проводящими время в одном замкнутом пространстве, совсем забытые взрослыми.

Может, сейчас у него была девушка.

Может, может, может.

Так что я ждала, опьяненная книгой и чувствами, которые история вызывала во мне. Эти эмоции всегда заставляли меня думать о нем. О Николае. Моем Ники.

Шаги раздавались ближе и громче.

Я убрала за ухо выбившуюся прядь, пытаюсь успокоить свое сердцебиение. Я запала на Николая Иванова с того первого дня, как мы встретились на кладбище, просто раньше я никак не задумывалась об этом чувстве к нему. Только в этом году, когда все в школе разбилось на парочки. Быть в отношениях вдруг за одну ночь превратилось из чего-то постыдного, что делали только плохие девочки, в вершину мироздания, тренд, от которого я отстала. На самом деле ни одна из этих пар не говорила друг с другом во время занятий или как-то взаимодействовала, но у них был титул, и если

были какие-то вечеринки или дни рождения, то они приходили вместе и шептались друг с другом или целовались.

Поцелуи тоже стали ритуалом посвящения, чем-то, что нужно было попробовать и поставить напротив галочку. В школе не было ни одного парня, которого мне хотелось бы поцеловать.

Единственные губы, к которым мне хотелось прикоснуться своими, были губы Николая.

Я пролистывала «Искушение», но слова будто бежали по строчкам, выпадая со страниц. Удивительно, как у моих ног еще не было кучи из писем. Это было бесполезно, пытаться сосредоточиться на чем-то, кроме него.

А потом... Счастье заполнило мое сознание. Я заметила его краем глаза, Николай показался у дверного косяка, облокотившись на него. Поношенные туфли, порванные не там, где нужно, джинсы и выцветшая рубашка, потрепанная по краям. С каждым годом он становился только красивее.

Я притворилась, что не заметила его.

– Здорово, – сказал он, в уголке его рта торчал незажженный бычок от сигареты. Я представила, что сказала бы великая Беатрис Рот, если узнала, что я хотела поцеловать парня, который запихивает в рот использованные сигареты с улицы. Честно говоря, она ничего и не сказала бы. До тех пор, пока я не принесла заразу в дом, она не возражала бы, даже если бы я отрезала себе все конечности из-за трендов.

– Ой, хей, Ники. – Я подняла взгляд, здороваясь с ним.

Его красота поразила меня, словно молния. Он не был таким привлекательным два года назад. Каждое лето его черты становились четче и мужественнее. Его подбородок стал острее, складка между бровями глубже, губы выразительнее. Но глаза были лучшей его чертой: удивительно похожие на голубые топазы. Он был высоким, подтянутым и гибким, а еще, кроме всего, в нем была характерная черта, которую нельзя было даже назвать. В нем чувствовалась задиристость ребенка, который знал, как постоять за себя, как выживать. Ужасно было думать, что какие-то дети проводили с ним два семестра в год. Общались, любовались и восхищались им.

– С тобой все в порядке? – Он оторвался от косяка двери, обходя вокруг меня. Я заметила, что его руки за последний год стали больше, крепче, можно было увидеть вены, голубеющие под кожей. Он остановился только тогда, когда наши ноги соприкоснулись, и выхватил книгу из моих рук, небрежно пролистав ее.

Он убрал сигарету за ухо, нахмурившись.

– Привет, – сказала я.

– Привет. – Он поднял взгляд, одарив меня усмешкой, и снова посмотрел на книгу. Я не могла дождаться, когда увижу его в плавках этим летом.

– Ты читал? – хрипло спросила я, начиная краснеть.

– Нет, хотя слышал, что тут какие-то непристойности, – он покачал головой.

– Да. Но суть книги не в этом, – возразила я.

– В поцелуях всегда вся суть, – его глаза встретились с моими, и он легкомысленно ухмыльнулся мне, возвращая книгу и продолжая: – Может, когда-нибудь я это попробую, если мистер Ван перестанет совать мне Penthouse.

Теперь настала моя очередь рассказать ему то, о чем я думала все лето. О чем я мечтала ночами.

– Поздравляю, ты официально стал противным, – ответила я.

– Я скучал по тебе, – рассмеялся он.

– Да, я тоже, – снова ответила я, заправляя прядь волос за ухо, странно чувствуя себя, будто тело мне не принадлежало. – Я думаю записаться на театральные курсы теперь, когда я пойду в среднюю школу, – я совсем не собиралась ни на какие курсы, но мне нужна была хорошая продуманная предыстория.

– Классно. – Он уже бродил по комнате, открывая ящики в поисках новых блестящих вещей для исследования. Мой дом был чем-то вроде тематического парка для Николая. Ему нравилось использовать зажигалки моего отца, скрещивать ноги на столе из красного дерева и представлять, что ему звонят по старому офисному телефону Toscano по важным делам.

– Я подумала, может, мы могли бы повторить одну сцену из книги. Ну, знаешь, для практики, чтобы подготовиться к пробам в сентябре, – осторожно начала я.

– Повторить что?

– Одну из неприличных сцен. В книге. Мне нужно сделать что-то risqué¹⁴ на прослушивании, – объяснила я.

– Risqué? – пробормотал он, открывая ящик и шаря там руками.

– Да. Меня не возьмут, если я покажу что-то обычное, – продолжала я, даже сама не понимая, что имела в виду. О чем, черт возьми, я вообще говорила?

– Насколько именно неприличная сцена? – Он был слишком увлечен поисками чего-то стоящего для кражи.

Я взяла книгу и пролистала ее до страницы 126, после чего передала ему. Он перестал рыться в ящиках. Его глаза пробежались по тексту. Я затаила дыхание, пока он читал. Когда же он закончил, то протянул книгу обратно, и я спрятала ее на полку библиотеки за собой.

– Ты шутишь, да? – спросил он.

Я помотала головой, сердце готово было выпрыгнуть из груди.

Николай застыл. Его взгляд метнулся от ящиков в столе ко мне. Теперь он недоверчиво смотрел на меня своими топазовыми глазами, в которых отражались непонимание, резкость и даже раздражение. Я хотела повторить сцену в библиотеке, где Робби прижимает Сесилию к книжным полкам и целует так, будто происходит конец света, ведь для него так и было.

Волосы встали дыбом на моих руках. Мне не хотелось,

¹⁴ Risqué (фр.) – рискованное.

чтобы меня стошнило прямо на туфли из-за волнения. Но одновременно казалось, что именно это я и сделаю.

– Мы просто поцелуемся, – уточнила я, изобразив зевок и продолжив: – Никаких других странностей, конечно же.

– *Просто* поцелуемся?

– Не ты ли мне только что говорил, что все всегда начинается и заканчивается поцелуями! – Я подняла руки в знак поражения и как бы снимая с себя вину. Его губы снова растянулись в легкой усмешке. Мое сердце же сделало кульбит.

– Ари, ты добралась до винного шкафа своего старика? – Ники приблизился ко мне, сократив расстояние между нами. Он провел пальцем по краю моего уха, из-за чего дрожь пробежала по моему телу. – Мы не можем поцеловаться. Только если ты не хочешь, чтобы наши родители убили меня.

– Ты имеешь в виду нас, – поправила я его.

– Не-а, – он достал сигарету из-за уха и пожевал кончик, занимая этим делом сразу руки и рот. – Тебе все сойдет с рук под присмотром папочки Конрада. Вина всегда ложится на бедного человека со смешным именем. Ты что, не заметила закономерность во всей классике, которую мы читали прошлым летом?

– Я никому не скажу, – пообещала я, горло сдавило, будто в нем застряло много камешков. Внезапно у отказа появились вкус, запах, форма. Это было настоящее существо, которое обжигало мои щеки, будто меня ударили. Я даже не могла злиться на Ники. Я всегда была вынужденным наблю-

дателем, как отец с матерью и Русланой все время бросались угрозами в Ники, словно стрелами.

Даже не смей трогать ее.

Отойди, сын.

Николай, разве ты не должен помогать матери на кухне?

– Я знаю. Дело не в том, что я тебе не доверяю, – согласился Ники. – Я не доверяю своей удаче. Если они как-то узнают, если здесь есть прослушка или еще что... Ари, ты знаешь, что я не могу.

Отказ был мягким, но окончательным. Тема закрыта. И хотя я понимала его, одновременно с этим я злилась, потому что он оставался рассудительным, когда речь заходила о нас, а я же всегда шла напролом, если дело касалось его. Раздражительность встала комком в горле, будто хотела вырваться изо рта. Но я не была такой девушкой. Я гордилась, что была такой, какой Ники хотел меня видеть. Я смотрела боевики, играла в мяч и говорила «чувак» минимум раз пятнадцать в день.

– Хей, мы пойдем плавать или как? – Ники обхватил хрустальный шар на полке позади меня и засунул в карман. Он часто так делал, но я не возражала. Может, просто потому, что знала, что он не возьмет ничего, что по-настоящему было дорого мне. – Я весь год тренировался в бассейне YMCA¹⁵. Готовься к поражению, принцесса-неженка.

То, как глаза начинало щипать, означало, что у меня было

¹⁵ Фитнес-клуб.

три или пять секунд, прежде чем я заплачу.

– Чувак, – фыркнула я, – и кто из нас под кайфом? Я тебя побью. Только дай мне надеть купальник.

– Жду тебя у дверей через пять минут, – сказал он.

Я отвернулась и ушла, закрывая дверь в свою комнату, после чего выудила купальник из ящика, при этом порезав большой палец. У меня текла кровь, но я ничего не чувствовала.

Прижавшись ртом к ране, чтобы остановить кровь, я смотрела в зеркало и одновременно тренировалась улыбаться своей самой лучшей и яркой улыбкой.

Это был первый урок взросления.

С разбитым сердцем справлялась в тишине и одиночестве, в закоулках собственной души. Снаружи я была сильной, но внутри сломалась.

После плавания наперегонки, в котором Ники, конечно же, победил меня, я избегала его всю первую неделю летних

каникул.

Я старалась делать это незаметно: то планы пойти в «Сакс»¹⁶ с друзьями, то в библиотеку, то еще что-нибудь. Я дошла даже до того, что пошла с мамой и ее скучными друзьями на ланч.

Но Ники все равно приходил каждый день и упрямо пытался поддерживать нашу дружбу. И каждый день я придумывала, как занять себя так, чтобы он не входил в мои планы.

Я знала, что банальным способом наказывала его за отказ поцеловать меня. Руслана давала ему задания, чтобы занять делом. Она разрешала ему немного отдохнуть несколько раз. Свои перерывы он проводил на балконе в гостиной, который соединялся с террасой моей спальни. Перебраться с балкона на террасу было возможно, но опасно. Стеклоанный барьер был слишком высокий, из-за чего пришлось бы перелезть через перила и держаться за край небоскреба на высоте около метра, пока не доберешься до другой стороны.

¹⁶ Saks Fifth Avenue – американская сеть роскошных универмагов со штаб-квартирой в Нью-Йорке, основанная Эндрю Саксом. Первоначальный магазин открылся в торговом районе Ф-стрит в Вашингтоне, округ Колумбия, в 1867 году.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.